

STAR CRAFT®

Я — МЕНГСК

Л Е Г Е Н Д Ы В Л И З З А Р Д

ГРЭМ МАКНИЛЛ

StarCraft

Грэм Макнилл

StarCraft. Я – Менгск

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-44

Макнилл Г.

StarCraft. Я – Менгск / Г. Макнилл — «Издательство АСТ»,
2008 — (StarCraft)

ISBN 978-5-17-115962-7

На расстоянии в 60 000 световых лет от Земли погрязшая в коррупции Терранская Конфедерация железной рукой правит сектором Копрулу, жестко контролируя все жизненные аспекты своих граждан. Один человек дерзнул противостоять этой безликой империи и поклялся сокрушить ее: Арктур Менгск – гениальный пропагандист, тактик и борец за свободу. Чудовищный акт кровавого насилия сеет в Арктуре семена бунтарства, но он не первый Менгск, выступивший против злостной тирании. В те годы, когда Арктур был еще совсем юн, его отец, Ангус Менгск, также бросил вызов Конфедерации и пытался положить конец ее жестокому правлению. Судьба династии Менгск уже много лет связана с Конфедерацией и сектором Копрулу, но когда из праха павшей империи возродилась новая, когда из-за инородных пришельцев само существование человечества оказалось под угрозой, что уготовит грядущее для следующего поколения?..

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-115962-7

© Макнилл Г., 2008
© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Пролог	6
Книга 1	10
Глава 1	10
Глава 2	22
Глава 3	32
Глава 4	40
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Грэм Макнилл

StarCraft: Я – Менгск

© 2018 Blizzard Entertainment, Inc. All Rights Reserved.

© 2019 by Blizzard Entertainment, Inc. All Rights Reserved.

I, Mengsk, StarCraft, Diablo, Warcraft and Blizzard Entertainment are trademarks and/or registered trademarks of Blizzard Entertainment, Inc., in the U.S. and/or other countries.

All other trademark references herein are the properties of their respective owners.

Есть несколько персон, заслуживающих благодарности, так как без них я вряд ли смог написать «Я – Менгск». Во-первых, большое спасибо моим друзьям в Blizzard Entertainment: Марку Гиббону, Энди Чемберсу и Джею Вильсону за то, что напели про меня Крису Метцену, который оказался настолько добр, что позволил парню вроде меня приложить руку к вселенной StarCraft.

Писать «Я – Менгск» было настоящим удовольствием, во многом благодаря помощи и юмору Эвелин Фредриксен. Она следила за тем, чтобы я не сбивался с пути, и ее комментарии оказались бесценными во время работы над книгой. В момент, когда ты пишешь: «Конец», путешествие романа до книжных магазинов начинается по-настоящему. В связи с этим хочу поблагодарить Марко Палмери, за его терпение и советы в процессе редактирования и издания книги, а также за то, что я мог делать вид, будто знаю, что делаю. Всего вам хорошего, ребята. Надеюсь, ваши миры могут мной гордиться.

Грэм

Пролог

Валериан услышал стук в дверь, но проигнорировал его, сконцентрировавшись на золотистом портвейне в дорогом хрустальном бокале, который держал в ухоженной руке. Стук раздался снова, на этот раз более настойчиво и нетерпеливо; по этому звуку Валериан Менгск без труда определил, кто находится по ту сторону двери.

Юноша пригубил спиртное из бокала. На красивом лице промелькнула улыбка, казалось бы, совершенно невозможная в этот день. И, кстати сказать, в последнее время в любой другой день тоже.

Валериан устроился поудобнее в глубоком кожаном кресле, наслаждаясь теплом угольного камина снаружи и теплом напитка изнутри. В последние месяцы возможности для приятного времяпрепровождения у него отсутствовали абсолютно. Ибо то были месяцы скорби и боли. Пусть Валериан лично не испытывал боль – по крайней мере, физически, – но наблюдать изо дня в день, как мать страдает от изнурительной болезни, поглотившей ее плоть и искалечившей разум, было просто невыносимо.

Валериан посмотрел на стакан с портвейном – замечательный купаж богатого насыщенного аромата, который надолго оставался во рту и служил отличным дополнением к дичи, приготовленной для гостей, ожидающих юношу в главном зале его дома.

Его дом.

Эти слова все еще звучали необычно. Он к ним не привык.

Валериан поднял глаза и обвел взглядом комнату, осматривая каждую изысканную деталь интерьера: красивую отделку из красного дерева, которая скрывала множество коммуникационных линий и в полной мере препятствовала электронному прослушиванию; шелковые гобелены; портреты в золотых рамах; со вкусом подобранную подсветку, благодаря которой комната с высокими потолками купалась в теплом успокаивающем свете.

Но предметом гордости Валериана являлась внушительная коллекция оружия. Ее экспонаты вкупе с вычурными архаичными украшениями были оформлены на стене в прекрасную композицию. Тут был и фалькс с длинным лезвием, лежащий на серебряных крючьях; повешенные крест-накрест мечи; разнообразные кинжалы и экзотического вида диски с выступающими из кожаной оплетки клинками, висящие на невидимых глазу креплениях. За расположенными вдоль стен стеклянными витринами хранились антикварные пистолеты с золотой чеканкой и рукоятями из дерева, а также длинноствольные мушкеты со встроенными в приклад аккумуляторными батареями.

Над потрескивающим огнем, на отделанной мрамором каминной полке, стояла голопластина. На ней мерцало полупрозрачное изображение женщины с задумчивым взглядом, к образу которой взор Валериана упорно возвращался вновь и вновь.

Дверь в комнату за спиной у юноши открылась. Смотря сквозь огонь безучастным взглядом, Валериан продолжил смаковать портвейн.

Только один человек мог позволить себе войти в покои Валериана Менгска без приглашения.

– Здравствуй, отец, – сказал Валериан.

Тень вошедшего легла на Валериана. Юноша поднял голову и увидел, что отец смотрит на него. Черты аристократа, строгий взгляд. Арктур Менгск. Валериан чувствовал исходящую от него харизму. Чаще всего отец общался с ним в голографической форме, но никакие технологии не способны передать энергетику личного присутствия.

Арктур был крупным человеком, с широкими плечами и талией. Его волосы, некогда темные и блестящие, теперь отливали серебром, а в бороде было больше седых волос, чем черных. Его облик с годами обрел еще большее величие и благородную осанку – достоинства,

которыми Арктур и так был щедро одарен. Немногие мужчины в его возрасте могли похвастаться подобным.

Черный, обшитый золотым шнуром сюртук отца с широкими бронзовыми эполетами на плечах, аналогичный тому, что носил сын, служил скорее для того, чтобы подчеркнуть власть хозяина, нежели скрыть его крупные габариты. На поясе – палаш с массивной гардой и пистолет, украшенный изящной чеканкой. Однако Валериан знал, что прошло много лет с тех пор, когда у отца был повод в гневе вытащить оружие.

– Я стучал, – сказал Арктур. – Ты что не слышал?

– Да, я слышал, – ответил Валериан, кивая.

– Тогда почему не пригласил войти?

– Не думаю, что тебе нужно приглашение, отец, – ответил Валериан. – Ты император, *не так ли?* С каких это пор император ждет чьего-то согласия?

– Может я и император, Валериан, но ты мой сын.

– Да, я твой сын, – согласился Валериан. – Но только сейчас, когда тебя это устраивает.

– Ты злишься, – сказал Арктур. – Полагаю, это объяснимо. Для людей естественно вести себя неразумно из-за таких вещей.

– Каких *таких*?! – рявкнул Валериан, вскакивая с кресла и швыряя бокал с портвейном в огонь. – Прояви хоть каплю проклятого уважения!

Бокал разбился, и алкоголь с ревом вспыхнул рубиновым пламенем.

– Ты вообще хоть что-нибудь чувствуешь к людям?! – крикнул Валериан. И только после того как слова слетели с языка, он понял, что именно и кому говорит, и рассмеялся: – Впрочем, о чем я! Конечно, не чувствуешь.

Во время этой вспышки гнева Арктур оставался неподвижным. Он просто стоял, заложив руки за спину.

– Пустая растрата хорошего портвейна, – резюмировал он. – И, насколько я могу судить, хорошего бокала. Я думал, что научил тебя не показывать злость. Особенно когда это не служит никакой цели.

Валериан глубоко вздохнул и, отвернувшись от отца, направился к встроенному в стену бару. Различные солодовые напитки и его любимый портвейн скрывались там от происков возможных отравителей за зеркальным стеклом, снабженным непробиваемым силовым полем. Энергетический барьер установили по приказу отца, поскольку любой, кто интересовался династией Менгск, знал об их пристрастии к дорогому алкоголю.

Валериан несколько секунд изучал свое отражение. Затем протянул руку и нажал на медную кнопку, чтобы отключить защитное поле. Белокурые волосы обрамляли симпатичное, почти красивое лицо. В его чертах безошибочно просматривался лик отца. Но если лицо Арктура было жестким, то в чертах Валериана присутствовала мягкость, доставшаяся ему с генами матери.

Полноватые губы. Большие глаза цвета грозовых облаков, способные очаровать даже лесных птиц. Гладкая кожа фарфорового оттенка, благородные черты лица. В свои двадцать один он был красивым молодым человеком и прекрасно знал это, хотя делал все возможное, чтобы скрыть свои достоинства за ширмой скромности. Что конечно лишь способствовало разжиганию интереса у противоположного пола.

Большой палец несколько секунд удерживал кнопку в нажатом положении. Встроенный ДНК-считыватель зафиксировал событие в базе данных сервера здания и произвел идентификацию юноши. Валериан не чурался высокотехнологичных достижений современной цивилизации, хотя терпеть не мог эти самые достижения в любых их проявлениях.

Еле заметное колыхание воздуха послужило единственным признаком отключения защитного поля. Валериан открыл стеклянную створку и налил две порции спиртного. Себе, как обычно, золотистого портвейна, отцу – древнего рубинового, безумной стоимости.

Валериан вернулся к огню. Его отец занял второе кресло. Прислонив клинок эфесом к подлокотнику, Арктур принял стакан от Валериана и кивнул в знак благодарности.

– Успокоился? – спросил он сына.

– Да, – сказал Валериан.

– Хорошо. Не пристало Менгску открыто демонстрировать свои мысли.

– Да ну?

– Да, – сказал Арктур. – Когда люди думают, что знают тебя, они перестают тебя бояться.

– А что если я не хочу внушать страх? – спросил Валериан, откидывая фалды сюртука и присаживаясь напротив отца.

– Предпочитаешь, чтобы тебя любили? – глотнув портвейна, вопросом на вопрос ответил Арктур.

– А если и то, и другое?

– Это невозможно, – сказал Арктур. – Предупреждая твой следующий вопрос, скажу сразу: лучше внушать ужас, чем быть любимым.

– Ну, тебе лучше знать, – ответил Валериан.

Арктур засмеялся, но в смехе не было ни капли тепла.

– Я твой отец, Валериан, и второсортные издевки не изменят этого. Я знаю, ты не испытываешь ко мне сыновней любви, но меня это мало заботит. Однако для того, чтобы идти по моим стопам, тебе придется быть жестким.

– А что если я не хочу быть твоим преемником?

– Это не обсуждается, – отрезал Арктур. – Ты – Менгск. Да и кому еще им быть?

Валериана охватила злость.

– Даже если этот Менгск, по твоему собственному мнению, женоподобный книголюб и слабак?

Арктур небрежно махнул рукой.

– Слова, скоропалительно произнесенные много лет назад, – фыркнул он. – Ты уже доказал, что я ошибся тогда, так что тебе нужно двигаться дальше. Подсчет моих промахов не дает тебе прав на поблажки.

Чтобы скрыть недовольство, вызванное упрямством отца, Валериан пригубил портвейна. Прежде чем проглотить, он посмаковал во рту ароматную жидкость. Краем глаза он следил за Арктуром, который, пользуясь паузой, осматривал комнату и висящую на стенах коллекцию клинков. Оружие было одной из немногих тем, на которую отец и сын могли нормально поговорить, без опасений услышать в ответ претензии или всплеск раздражения.

– Ты устроил тут себе прекрасный дом, – ни с того ни с сего сказал Арктур.

– Дом? – переспросил Валериан. – Я не знаю, что подразумевается под этим словом.

Заметив замешательство с глазах отца, он уточнил:

– До недавнего времени домом называлось любое место, где мы обитали, пока вновь не приходилось бежать. С одной разваливающейся умоджанской луны на другую. Или на очередную орбитальную станцию из тех немногих, что не уничтожили ОЗД или зерги. Ты же должен знать, каково это?

– Есть такое дело, – уступил Арктур. – Хоть я и подзабыл уже. Долгое время моим домом был «Гиперион», но после всего, что случилось с Джимом...

– А как насчет Корхала-Четыре? – перебил Валериан, не желая выслушивать очередную тираду отца о предательстве Джима Рейнора. Последние пару лет он внимательно отслеживал новости об авантюрах Рейнора и в душе восхищался опальным шерифом, который в буквальном смысле стал занозой в заднице императора Арктура Первого.

Менгск-старший покачал головой, скрывая раздражение от того, что его перебили.

– Приличные площади планеты уже вновь пригодны для жилья. Мы восстановили большую часть из того, что было разрушено. Но все равно, чтобы в короткие сроки возместить весь

ущерб, причиненный Конфедерацией... это выше моих сил... – Арктур на секунду замолчал. – Корхал снова обретет величие, я не сомневаюсь в этом. Но он никогда не станет таким, каким был прежде.

– Да, полагаю, это так, – согласился Валериан. – Хотел бы я взглянуть на Корхал до той атаки.

– О, да, я думаю, тебе бы там понравилось, – сказал Арктур. – Палатинский форум, Золотая библиотека, Марсово поле, наша летняя вилла... да, тебе бы там понравилось.

Валериан подался вперед.

– Хотел бы я узнать о Корхале больше, – сказал он. – В смысле, от кого-то, кто там бывал. Не сухие факты из медиакниг и голофильмов, а что-то настоящее. От того, кто ходил по его поверхности и дышал его воздухом.

Арктур улыбнулся и кивнул, словно ждал этой просьбы.

– Ну что ж, Валериан. Я *расскажу* тебе о Корхале, обо всем, что я знаю, собрав по кусочкам в единое целое. Расскажу о том, о чем ты не сможешь узнать при всем желании. – Он встал и одним глотком осушил бокал с портвейном.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Валериан.

– История Корхала – это история твоего деда; рассказ о том, что значит быть Менгском. Корхал был кузницей, где на наковальне истории жестко и кровопролитно ковалась наша династия.

Валериан почувствовал, как его сердце забилося быстрее.

– Да, об этом я и хотел услышать.

Арктур кивнул на голографию женщины, стоящую на каминной полке.

– А еще я расскажу о твоей матери.

– О матери? – мгновенно напрягшись, переспросил Валериан.

– Да, – сказал Арктур, направляясь к двери. – Но сначала мы должны ее похоронить.

Книга 1

Ангус

Двадцатью пятью годами ранее

Глава 1

Вилла была погружена во тьму. Ее обитатели спали. Со стороны все выглядело тихо и спокойно. Уязвимо. Однако он знал, что это не так. Особняк окружает целая сеть невидимых лазерных лучей, мраморные стены по всему периметру усеяны датчиками движения, а датчики вибрации располагаются в полу и стенах у каждого проема. Все это стоит не самых больших денег, какие можно вложить в систему безопасности, но уже почти по максимуму.

Нужно очень постараться, чтобы тайно проникнуть в летнюю резиденцию Менгсков, белокаменную крепость, расположенную на мысе из белых скал, у темных вод океана. Неприметная фигура не торопилась, скрытно приближаясь к границе зоны контроля систем обнаружения.

Специальная маска скрывала молодое красивое лицо. Закрепленный на поясе сканер – модифицированный прибор геологоразведчиков Исследовательского корпуса Конфедерации – представлял собой импульсный детектор для обнаружения геомагнитных возмущений, создаваемых веспен-газом. Настроить детектор на засветку охранных лазеров и вывести картинку на поверхность окуляра очков оказалось делом техники. Для этого требовалось всего лишь знать частоты лазерных лучей и точный минеральный состав кристаллов, которые их создают. Проблема решилась достаточно просто, благодаря технику, который прошлым летом монтировал на вилле систему безопасности.

Спецочки обесцвечивали пейзаж. Темно-синее небо в них казалось плоским, цвета ржавчины, горы на севере приобрели глубокий красно-коричневый оттенок, а море внизу переливалось алым.

Словно океан крови.

Стены виллы казались темными, а лучи лазеров, проецируемые сканером, выглядели мерцающими серебряными нитями, словно натянутые сигнальные растяжки.

– Слишком просто, – прошептал неизвестный, и тут же мысленно упрекнул себя за ненужные слова.

Человек лег на землю и пополз к северной стороне виллы, держась подальше от дороги, по которой ее хозяева приезжали из Стирлинга. Высокая трава колыхалась под дующим с океана легким бризом. Она хорошо скрывала ползущую фигуру.

Паутина охранных лазеров постоянно меняла конфигурацию, однако в детектор человека был прописан алгоритм их движения. Поэтому когда лучи сдвигались, лазутчик успевал сместиться в мертвую зону.

Конечно, ни одна программа не обладает стопроцентной надежностью, и шанс, что его обнаружат, есть всегда. Но человек был уверен в своих способностях и даже не помышлял о неудаче.

По правде говоря, он даже не задумывался о возможности провала. Неудачи случались у других, его же всегда ждал успех. Он хорошо знал, что делает, и это придавало ему уверенности. Окружающие чувствовали излучаемую им уверенность, поэтому он всегда добивался желаемого.

Ну, почти всегда.

Чем ближе человек подползал к вилле, тем медленнее и осторожнее становились его движения. Поспешить – людей насмешишь, он твердо это знал. Расстояние между ним и стеной здания сократилось до шести метров, и на это ушло около двух часов.

Инфракрасные датчики движения располагались вдоль края стены, но за десять лет с момента установки они успели устареть. Эти датчики были не сложнее тех, какие можно встретить в системе охранной сигнализации у магистрата какой-нибудь пограничной колонии. Конечно, ни у кого не возникало и мысли, что подобная защита может быть установлена в летней резиденции одного из самых известных сенаторов Корхала.

Такие приборы не могли засечь фигуру в черном облегающем комбинезоне, оснащенном системой термоизоляции. Лазутчик смастерил его сам из внутренней прокладки защитного костюма, какими пользуются шахтеры при работе в высокотемпературных зонах. Человек встал на ноги и улыбнулся: ИК-датчики скользили лучами по черной фигуре и ничего не фиксировали.

Лазерная сетка вновь пришла в движение. Лазутчик замер, пока лучи не зафиксировались в новом положении. Он увидел тонкий луч, мерцающий рядом с ногой, и, задержав дыхание, сместился в сторону. У него есть семнадцать целых и три десятых секунды до того, как лучи вновь начнут двигаться. Он быстро заскользил к стене, зная, что задевать ее нельзя – сработает датчик вибрации.

Его окружала паутина лучей, но пока лазутчик держится у стены (не касаясь ее), он невидим для службы безопасности виллы. Воспользовавшись моментом, человек перевел дух, затем крадучись обошел флигель дома и добрался до черного хода в особняк.

Лазутчик замер, когда на землю впереди упало пятно света.

Открылась дверь.

На улицу вышел человек, за ним еще один. Нарушитель ощутил прилив страха. Полночники закурили сигареты и принялись болтать. Лазутчик задержал дыхание. Сердце молотило по ребрам, как бешеное.

Кухонные грузчики, только и всего.

Мужчины отошли от двери, укрывшись от холодного ветра за пристройкой. Грех не воспользоваться прекрасной возможностью, чтобы проскользнуть в дверь.

Войдя на кухню, нарушитель откинул наверх окуляры спецочков.

От каменных печей веяло теплом. В воздухе витал слабый аромат блюд, которые подавались семейству Менгск на ужин. Ночью кухня пустовала: повара и прислуга высыпались перед ранним подъемом и приготовлением завтрака. Таинственный гость на мгновение задумался, что в такое позднее время здесь делают те двое курильщиков?

Отбросив неуместные мысли, человек метнулся через кухню к двери, ведущей в главный зал особняка. Он приоткрыл дверь и выглянул в погруженное в сумрак помещение.

На стенах зала висели портреты прославленных предков Ангуса Менгска, а многочисленные статуэтки, вазы и оружие, расставленные на резных тумбах, говорили о безупречном эстетическом вкусе его жены Кэтрин. У покрытой ковром лестницы, ведущей к спальням семейства, контрастируя с величием произведений искусства, валялось множество игрушек маленькой дочери Ангуса, Дороти.

Черно-белые плитки пола были выложены в шахматном порядке. Человек ждал. С противоположной стороны в зал вошел охранник, осмотрелся и сообщил в гарнитурный микрофон коллегам в комнате охраны, что все в порядке.

Ангус Менгск считал, что для летней резиденции горстки вооруженных охранников более чем достаточно. Иначе забыть о проблемах между Корхалом и Конфедерацией не удастся, а ведь ради этого он, собственно, и приезжал сюда.

Охранник прошелся к парадному входу, развернулся и ушел в столовую, закрыв за собой дверь. Когда мужчина исчез, лазутчик стремительно пересек зал, поднялся по лестнице и, замерев наверху, осмотрел широкий коридор.

Спальня Ангуса и Кэтрин находилась слева, но человек двинулся в противоположную сторону, к спальням младших членов семьи Менгск.

Деревянный пол устлали толстые ковры. Со всей возможной осторожностью лазутчик шел по коридору, переступая те места, где, как он знал, скрипели половицы. Нарушитель подошел к массивной деревянной двери с бронзовой буквой «А» и улыбнулся.

Он взялся за ручку, без шума открыл дверь и заглянул в комнату.

В помещении царил полумрак. Длинные верстаки были завалены разобраным оборудованием и образцами облицовочного камня. На стенах, заключенные в рамки, висели схемы геологических образований и разрезы горных пластов. На большой, обитой железом кровати просматривалась некая фигура под одеялом.

Нарушитель сделал шаг внутрь и тут же услышал голос:

– Полагаю, вы думаете, что это было очень умно.

Человек в черном обернулся на звук и увидел Эктона Фелда – начальника службы безопасности семьи Менгск. Мужчина сидел в шикарном кожаном кресле в дальнем углу комнаты. Его рука покоилась на рукоятке тяжелого пистолета. При своем высоком росте и атлетической фигуре в темном кителе и свободного покроя брюках, Фелд идеально вписывался в образ человека, отвечающего за безопасность жизней.

Лазутчик расслабился и снял с головы капюшон. Из-под маски и очков появились аристократичные черты лица, волевая линия подбородка и широкие серые глаза с пытливым взглядом семнадцатилетнего мальчишки.

– Думаю, это был верх моей изобретательности, – сказал Арктур Менгск.

Эктон Фелд критическим взглядом, но без особого интереса, изучил прибор геологоразведки. Снаряжение для проникновения в летнюю резиденцию сенатора пареньку удалось подготовить приличное. Фелд решил, что нужно обратить серьезное внимание на вопрос модернизации протоколов безопасности и охраны виллы.

Он положил самодельный сканер на верстак. Если Арктур смог забраться так далеко, неизвестно, как далеко сможет забраться человек с более злым умыслом.

Фелду не хотелось даже думать о возможных последствиях подобного. Корхал сейчас в довольно уязвимом положении, а случись что с Ангусом Менгском... Если столь идейный противник Конфедерации будет убит в собственной постели, ростки корхальского движения за независимость могут увянуть на корню.

– А разве вы не должны быть в Стирлингской академии?

– Мне там наскучило. – Арктур сел на край кровати и откинул в сторону одеяло. Под ним оказалась куча подушек, разложенных по форме человеческой фигуры. – Там не учат ничему, чего бы я еще не знал.

«Это вполне может быть правдой», – подумал Фелд. Талантов у Арктура Менгска хватает, этого не отнять. Да, он вспыльчивый самовлюбленный хулиган, самоуверенный до такой степени, что многие сочтут это высокомерием. Однако, как ни крути, юнец на самом деле очень умен и с блеском справляется с любой задачей, за какую берется.

– Вашему отцу это не понравится.

– А когда ему нравилось что-либо из того, что я делаю? – возразил Арктур.

– Бунтарь всегда остается бунтарем, да? – сказал Фелд.

– Что это ты имеешь в виду?

– Ничего. Забудьте, – ответил Фелд. – Так почему же вы вломились в свой собственный дом?

Арктур пожал плечами.

– Наверное, чтобы выяснить, возможно ли это.

– И только?

– Ну, может, заодно позлить отца, – улыбнулся Арктур. – Это никогда не надоедает.

– Вот как. Не сомневаюсь, это позлит его, – сказал Фелд. – Особенно сейчас. После того, как он сделает выговор мне, уверен, у него найдется пара ласковых слов и для вас.

– Как ты это сделал? – спросил Арктур. – Я имею в виду, засек меня. Комбез отлично защищает от инфракрасных датчиков, и я уверен, что меня не задел ни один лазер. Как ты узнал?

– А почему я должен вам говорить? Вообще-то мне стоило намылить вам шею и выяснить, как *вы* умудрились зайти так далеко. – Фелд пристально посмотрел на Арктура. – Вам ведь кто-то помогал?

– Нет, – сказал парень, но Фелд знал, что он врет. Имея в отцах сенатора, мальчик хорошо изучил различные политические уловки. Он способен скрывать правду почти так же хорошо, как это делают закаленные в словесных баталиях ветераны Палатинского форума.

Почти. Но не так же.

– Вы не могли обойти лазерную сеть без чьей-то помощи.

– Ладно, – признался Арктур. – Мне помогли. Я убедил Лона Хелана поделиться со мной техническими характеристиками лазеров, чтобы подкрутить настройки геосканера и сделать лучи видимыми. Сказал, что это нужно для курсового проекта.

– Значит, с утра Лону Хелану придется искать новую работу.

– Скорее всего.

Такое равнодушие разозлило Фелда. Только что Арктур в шутку разрушил жизнь человека, и только затем, чтобы бросить вызов собственным способностям.

– Ну давай же, – не отставал Арктур, – скажи. Как ты меня обнаружил? Какая-то новая система сигнализации, о которой я не знаю? Биометрический распознаватель? Сканер ДНК?

Фелд посмотрел на молодое энергичное лицо и почувствовал, как его гнев угасает. Сын Ангуса Менгска обладал неким свойством располагать к себе окружение. Люди поневоле забывали свои обиды и стремились угодить ему. Только отец и мать Арктура, казалось, были неподвластны этим чарам.

– Это не новая система. Это старая система, которую вы упустили из виду.

– Старая система? Какая?

– Эс-Гэ. Базовая модель, – сказал Фелд, беря в руки геодезический сканер.

– Эс-Гэ? – повторил Арктур. – Никогда о ней не слышал. Она от «Ларс-Корпа»? Или нет, погоди... Наверное от «Близнецов», да?

– Ни тех, ни других, – сказал Фелд и показал на свой глаз. – «Собственные глаза». Самая что ни на есть базовая модель. Я видел вас через камеры наблюдения, когда вы проходили через кухню.

– Камеры наблюдения? Какие еще камеры наблюдения?

– Новая модель камер «Терра». Ваш отец установил их перед приездом Умоджанского посла.

– Кого?

– Вы вообще слышите что-нибудь из того, о чем говорят в этом доме, если оно не касается вас лично?

– Нет, если это связано с отцом. Вся эта политика и бизнес слишком скучны, чтобы обращать на них внимание, – отмахнулся Арктур. – Так кто у нас здесь?

– Человек по имени Айлин Пастер и его дочь, – сказал Фелд. – Видимо, некая шишка с Умоджи. Приехал на торговые переговоры с вашим отцом.

Это было не совсем правдой, но Арктур никогда не проявлял к делам сенатора особого интереса, поэтому Фелд решил не вдаваться в подробности. Происходили события, решающие

судьбу мира, а Менгска-младшего волновали только тусовки с кучкой подхалимов из академии и коллекция камней с самоцветами. Ну, еще он всегда был готов позлить отца.

Держа в руках конфискованный геодезический сканер, Эктон Фелд пошел к двери.

– Кстати, тебе лучше сказать своим друзьям, что игра окончена.

– Своим друзьям? – удивился Арктур. – Ты о ком?

– Давай без этого, – предупредил Фелд. – Просто скажи им, чтобы они шли домой. Уже поздно, и я слишком устал, чтобы разбираться еще и с этой ерундой.

– Честное слово, Фелд, я понятия не имею, о ком ты говоришь.

Эктон Фелд пристально посмотрел на парня, глядя сквозь его беззаботное лицо и способность претворять ложь правдой. Арктур Менгск мог парой фраз убедить техника с десятилетним стажем поделиться характеристиками лазерной сети, но Фелд понимал: что то, что он услышал сейчас – чистая правда.

А это значит...

– Дьявол! – Фелд чертыхнулся и включил коммуникатор на запястье. – Всем постам, статус «черный»! Повторяю, статус «черный»!

Затем начальник охраны повернулся к Арктуру.

– Оставайся здесь, – приказал он. – И спрячься.

– Что там такое? – крикнул вслед уходящему Фелду Арктур.

Доставая на ходу пистолет, тот коротко ответил:

– Вторжение.

После того как Фелд исчез за дверью, Арктуру потребовалось еще несколько мгновений, чтобы до конца осознать слова начальника службы безопасности.

«Вторжение? Сюда?»

Юноша вдруг пожалел, что затеял это испытание с преодолением системы охраны отцовского дома: сейчас идея казалась ему глупой и по-детски опрометчивой. Внезапно эту мысль вытеснила другая: его родным может грозить опасность! Он почувствовал, как внутренности опалили огонь страха.

Арктур быстро справился с нахлынувшими эмоциями. Вопреки инструкциям Фелда, он выскочил из комнаты в коридор. По всему дому мелькали огни, перекрикивались охранники, занимая свои посты. Захлопнув дверь за спиной, юноша в нерешительности замер.

Оглушительный хлопок пистолетного выстрела эхом прокатился по темному этажу. Раздавшийся следом человеческий крик побудил Аркура действовать. Парень крадучись двинулся по коридору, пока не остановился около двери, украшенной бумажными цветами и приколотым детским рисунком пони.

Красочные бумажные записки сообщали, что это «Комната Дороти». Арктур открыл дверь. В комнате горел свет. Юноша окинул помещение быстрым взглядом. Его четырехлетняя сестра сидела на кровати и сонно протирала глаза. Длинные локоны девочки в беспорядке рассыпались по плечам.

Рядом с ней на кровати сидела молодая девушка примерно одного с Арктуром возраста. Ее светлые волосы сияли подобно меду, а лицо было столь же красиво, сколь неожиданно.

– Кто вы? – требовательно спросила девушка, прикрывая руками Дороти.

– Могу задать тебе чертовски аналогичный вопрос, – произнес Арктур. – Кто *ты*, и что делаешь в комнате моей сестры?

– Я Юлиана Пастер, – ответила девушка. – Дороти попросила меня остаться и почитать ей сказку. Видимо мы заснули. А вы должно быть Арктур? Но что там происходит? Это были выстрелы?

– Да, но я сам толком не понимаю, что происходит. – Арктур устремился к сестре. – Думаю, на нас могли совершить нападение.

– Нападение? Но кто?

Арктур проигнорировал вопрос и опустился на колени рядом с кроватью.

– Малютка Дот, – позвал он сестру уменьшительным именем, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Тебе нужно одеться.

Услышав голос брата, Дороти посмотрела на Арктура. Гнев парня моментально улетучился, когда он увидел на ее глазах слезы. Юноша не особо любил отца или его работу, но он обожал сестру. Ее улыбка могла растопить самое черствое сердце, и даже Ангус не мог устоять перед ее прихотями.

– А куда мы пойдем? – сонным голосом спросила Дороти.

Арктур не успел ответить – раздалась новая выстрелы. Дороти в ужасе вскрикнула. Арктур посмотрел на Юлиану Пастер и сказал:

– Пригляди за ней. Я посмотрю, что там происходит.

Юлиана кивнула. Внезапно дверь распахнулась, и в комнату ворвались два человека. Девушка крепко прижала девочку к себе. Арктур вскочил на ноги, и тут же облегченно вздохнул – в одной из фигур он узнал мать.

Высокая, стройная и красивая Кэтрин Менгск никогда не была «домашним цветком», коротавшим дни за вязанием крючком или за чтением стихов. Когда ее детям что-либо угрожало, волевой стержень из неостали тут же давал о себе знать. Увидев Арктура, Кэтрин удивилась, но уже через мгновение оправилась от неожиданного сюрприза и торопливо прижала детей к себе. Второй человек бросился к Юлиане.

– Вы в порядке? – выпалила Кэтрин. – Арктур? Дороти?

– Все нормально, мама, – ответил Арктур, высвобождаясь из ее хватки. – Где отец?

Кэтрин взяла Дороти на руки.

– Он с Эктоном. Какие-то люди пытаются проникнуть внутрь, и они пошли их задерживать.

В коридоре снова раздалась стрельба. Дороти расплакалась.

Кэтрин повернулась к мужчине и, кивнув на Юлиану, спросила:

– Как она?

– С ней все хорошо, – ответил человек. В сильном голосе отчетливо слышалось волнение.

Мужчина с виду был примерно одного возраста с отцом Арктура, то есть уже разменял пятый десяток, а его интерес к Юлиане выдавал в нем Айлина Пастера. Арктур подумал, что для посла из такого важного мира, как Умоджа, этот человек выглядит не слишком впечатляюще. Редеющие седые волосы и скошенный подбородок придавали Айлину Пастеру робкий вид. Однако с раннего возраста Ангус предупреждал сына, что политиков и борзописцев нельзя недооценивать – мигом обведут вокруг пальца.

– Что происходит, мама? – спросил Арктур. – На нас действительно напали?

– Да, – кивнула Кэтрин, а затем скомандовала: – Мы должны добраться до убежища. Не будем медлить, все за мной!

Мать не была из тех, кто подслащивает пилюли, и это было одно из качеств, за которые Арктур ее любил. Айлин Пастер взял дочь под руку и приготовился следовать за Кэтрин.

Совсем рядом загремели очереди из автоматического оружия. Звук был таким громким, что определить, где находится его источник, не представлялось возможным. Арктур решил, что стреляют на этом этаже.

Потом он услышал тяжелые шаги и крики.

Новые выстрелы прогремели совсем рядом, и Арктур дернул мать за руку.

Первым выстрелом расщепило деревянный косяк. Все закричали и упали на пол. Арктур едва успел закрыть уши, как вокруг загрохотали металлические и деревянные обломки разлетевшейся двери, а по ковру покатались витые серебристые шипы – тонкие металлические конусы с мизинец толщиной.

Арктур сразу узнал их – такими пулями стреляют армейские винтовки. Если точнее, винтовка Гаусса С-14 «Каратель».

Дверь распахнулась от удара, и в проеме появились двое мужчин. Эктон Фелд держал в руках дымящийся пистолет «шипомет». Из ран на груди и плече начальника службы безопасности текла кровь. Второй мужчина был вооружен «Карателем». Арктур узнал его – один из охранников, по имени Жак Делб.

Фелд окинул комнату пристальным взглядом.

– Ангус, это Фелд, – торопливо произнес он в петличный микрофон. – Я нашел их. Мы в комнате Дот.

Арктур не расслышал ответа за ревом новых очередей. Дело быстро высунулся в проем и сделал пару выстрелов. Грохот винтовки был оглушительным; особенно, в сочетании с плачем Дороти.

– Эктон, – сказала Кэтрин, – где мой муж?

– Внизу, занимается организацией обороны. Скоро двинется к нам, – ответил Фелд, загоня новый магазин в рукоятку пистолета и неуклюже передергивая затвор. – Но нам нужно выбираться отсюда. Здесь мы слишком уязвимы. Надо попасть в убежище в дальнем конце зала.

– Но мы не можем выйти! – воскликнул Айлин Пастер. – Нас убьют!

– Нас убьют, если мы останемся здесь, Айлин, – возразила Кэтрин.

– Нет времени на споры, – отрезал Фелд. Его лицо было бледным от потери крови. – Враги наступают со всех сторон. Жак, что там видно?

Делб поднял винтовку и, выглянув в коридор, посмотрел налево и направо. Потом выпустил очередь из «Карателя», и Арктур услышал крик боли.

– Теперь чисто, – сказал Делб. Впрочем, звуки выстрелов только участились, так что Арктур не понимал, как там может быть «чисто». Он слышал бессвязную какофонию криков. Кто-то требовал прикрытия, кто-то – медика. Кто-то звал маму.

Знал ли кто-нибудь, кто побеждает в этом бою?

– Сейчас! – крикнул Фелд. – Пошли!

Первым из комнаты выдвинулся ствол пистолета. За ним вышел державший его Фелд. Делб вытолкнул следом Кэтрин с прижатой к груди Дороти, Айлина Пастера и Юлиану. Наконец, вышел Арктур. Жак пошел замыкающим. Все устремились по коридору в сторону убежища.

Дым от выстрелов заполнял коридор. В тусклом свете потрескивающих ламп Арктур видел только то, что находится под ногами. Он прошел мимо массивной фигуры, застывшей на полу в неестественной позе. Человек получил пулю в шею.

Глядя на рваную дыру и размазанные по полу кровавые кляксы, Арктур с отвращением закрыл рот рукой. Запах смерти имел привкус обжигающего металла.

Еще один мертвец лежал дальше по коридору. Его грудь была буквально разорвана шипами «Карателя». Создавалось впечатление, что человека практически разрезало пополам.

Фелд, спотыкаясь, вел всех в убежище, – подземный бункер, сооруженный в самом сердце дома. Делб прикрывал тыл. Бункер имел мощную систему связи с возможностью выхода на орбитальные спутники Корхала. Кроме того, там имелся запас ресурсов жизнеобеспечения с расчетом на четыре дня полной автономии.

Мать Арктура возражала против строительства в летней вилле безобразного по ее словам сооружения, но после того, как безумный психопат убил всю семью сенатора Никкоса прямо в собственных постелях, пусть с неохотой, но все же согласилась.

Теперь тот псих скорее всего служит в армии Конфедерации. После невральной ресоциализации.

Арктур споткнулся. Делб поддержал его.

Неостальные двери в бункер открылись. Холодный свет флуоресцентных ламп осветил беглецов. Эктон Фелд в изнеможении опустился на порог – раны давали о себе знать. При попытке приподнять «шипомет» по его лицу разлилась мертвенная бледность.

Доносящиеся до Арктура крики становились все настойчивей и требовательней.

Жак отпустил юношу, резко развернулся и, припав на колено, вскинул винтовку. Из дула оружия вырвались грохот и вспышки огня. Звук был настолько оглушительным, что Арктур закричал. Гаусс-шпы со свистом улетали прочь. Криков страданий стало еще больше.

– Пошли! – крикнул Делб.

И в этот момент в охранника попали. Вражеский «Каратель» поразил цель.

Это выглядело так, будто гигантский кулак ударил мужчину и отшвырнул его к стене. Кровь забрызгала Арктура, и парень с ужасом увидел, как Делб уронил голову на грудь. Шпы С-14 практически оторвали ее от тела.

– Арктур! – Крик матери из бункера донесся до него словно из бочки. Что она кричала, юноша не мог разобрать. Все, что он слышал, это хрип Делб, и хлюпанье крови, вытекающей из пробитой шеи охранника.

Не осознавая до конца, что он делает, Арктур упал на колени и схватил выпавшую из рук Жака винтовку. Он никогда не стрелял из такого оружия раньше, однако знал, что для убийства кого-либо нужно просто прицелиться и нажать спусковой крючок.

Только легко ли это сделать?

Из дыма в коридоре показалась фигура стрелка. Он был в темной форме, в бронежилете и необычном шлеме. На шлеме сбоку от черного матового визора – в котором Арктур увидел собственное отражение – торчало множество электронных приспособлений.

Оружие лежало в руках Арктура мертвым грузом, и парень совершенно бессознательно поднял его. Только вот винтовка террориста была уже наведена, и Арктур понял, что не сможет нажать на спуск до того, как его разорвет на куски.

Эта мысль скорее разозлила его, чем напугала.

Но до того как террорист смог выстрелить, отражение Арктура на забрале шлема рассыпалось облаком плексигласовых осколков, костей и мозга.

В шлем террориста попал еще один выстрел, за ним еще один, и еще. Боевик упал на колени. Высокоскоростные снаряды пробили ему грудь и ноги.

Арктур обернулся и увидел идущую к нему мать. Обеими руками она держала перед собой «шипомет» Эктона Фелда. С рассыпанными по плечам длинными черными волосами, в развевающейся, словно плащ, ночной рубашке, она выглядела как воительница из древних мифов.

Пистолет в ее руках вновь выстрелил, но это не заставило женщину сбавить шаг.

Арктур уронил винтовку Гаусса, когда увидел, что боевик умер. Рука Кэтрин легла на его плечо. Юноша поднял глаза. Лицо матери пылало гневом... не на Арктура, а на человека, который осмелился угрожать ее ребенку.

Кэтрин подняла Арктура с колен и чуть ли не затолкала его в бункер. С помощью Айлина Пастера она захлопнула массивную дверь и нажала кнопку блокировки на встроенной в стену панели доступа. Арктур жадно ловил ртом чистый отфильтрованный воздух, чувствуя, как трясутся руки. Смерть прошла совсем рядом. Он сжал кулаки, рассерженный на себя за проявленную слабость, и усилием воли подавил страх.

Успокоившись, Арктур осмотрелся.

У стены рядом с ним лежал Эктон Фелд. Грудь и рука начальника охраны выглядели как месиво багрового цвета. Юноша не знал, жив ли мужчина или мертв. Юлиана Пастер сидела у противоположной стены бункера, крепко обняв Дороти. Арктур подошел к ним. Он погладил сестру по волосам и ободряюще улыбнулся Юлиане.

– Малютка Дот! – позвал он. – Это я. Мы в безопасности!

Дороти взглянула на брата. Арктур улыбнулся.

– Ты была очень храброй, малышка. Больше никто не собирается нас обижать, – произнес он, стараясь, чтобы в словах не проскользнуло и намек на неискренность.

– В безопасности? – переспросила Дороти, шмыгая носом. – Ты обещаешь?

– Я обещаю. – Арктур кивнул. – Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Никогда.

– Никогда-никогда?

– Никогда-никогда, – пообещал он.

* * *

Единственное, чем можно было заняться в заблокированном бункере, это ждать. Правда, Арктур никогда не мог похвастаться способностью к усидчивости. Он сидел на кровати-раскладушке, скрестив ноги. Голова Дороти покоилась на его бедре. Девочка крепко сжимала под мышкой набивного пони по имени Понтий; большой палец другой руки она засунула в рот.

Несмотря на пережитое, малышка провалилась в глубокий сон. Арктур провел рукой по ее темным волосам и улыбнулся.

Тяжелораненый Экстон Фелд продолжал бороться со смертью. Кэтрин делала все возможное, чтобы по максимуму обработать раны от «Карателя». С прагматичностью – одной из составляющих ее непререкаемого авторитета в семье Менгск – мать Арктура поставила каждому в убежище свою задачу. Таким образом, она хотела занять их умы чем-то полезным и отвлечь от случившейся трагедии.

Она велела Арктуру позаботиться о Юлиане и Дороти, а Пастеру – не спускать глаз с видеостены камер наблюдения, чтобы иметь представление о том, что происходит снаружи бункера. Посол Умоджи кивнул в знак согласия. Получив доступ к управлению системой наблюдения, он включил видеостену. На многочисленных дисплеях появились изображения комнат и двора виллы Менгск.

Арктур не удивился тому, что именно мать перехватила бразды управления, и что Айлин Пастер охотно слушается ее. Аура Кэтрин Менгск прямо-таки излучала власть, уверенность и надежность. В свои семнадцать Арктур был уже достаточно взрослым, чтобы уважать силу характера матери. Он знал, что отец потратил многие годы, свыкаясь с тем, что нужно считаться с ее мнением.

– Айлин, что там происходит? – спросила Кэтрин, не спуская глаз с ран Эктона Фелда. – Ты видишь Ангуса?

Арктур глянул на дипломата. Айлин Пастер осматривал мониторы. Пустые коридоры, мертвые тела. Прячущиеся черные фигуры, совершающие зигзагообразные перебежки. Однако посол не мог определить, кто это – боевики или охранники.

Несколько камер не работало, и подключенные к ним мониторы рябили помехами, из-за чего составить полную картину происходящего было невозможно.

– На первом этаже все еще есть вооруженные люди. Ангуса пока не вижу.

– Хорошо. Продолжай наблюдение, – ответила Кэтрин.

Пастер кивнул и вновь сосредоточился на мониторах. Кэтрин встала и вытерла окровавленные руки о ночную рубашку. Глядя на напряженное, но все равно красивое лицо, Арктур улыбнулся, вспомнив, как мать стояла над ним с изрыгающим пламя пистолетом Фелда. И как она убила человека, который хотел убить его.

– Твоя мама выглядит очень спокойной, – услышал юноша голос Юлианы. – Она знает что-то, чего не знаем мы?

Арктур повернул голову и посмотрел в лицо девушке. Подыскивая фразу для ответа, он рассмотрел ее внимательнее. Когда он увидел дочь посла первый раз, то посчитал красивой. Теперь, приглядевшись, понял, что недооценил ее.

Юлиана Пастер была не просто красива. Она была ошеломляюще прекрасна. И самое главное, похоже, не осознавала, насколько она привлекательна.

В академии девушки делились на карьеристок, с которыми невыносимо скучно, и на зубрилок, соблазнить которых не составляло труда. Арктур чувствовал, что Юлиана не попадает ни под одно из этих определений.

Облегающая ночнушка подчеркнула формы тела девушки, и воображение семнадцатилетнего юнца дорисовало то, что скрывалось под легкой тканью.

Арктур выбросил из головы волнующий образ. Для подобных мыслей не место и не время.

– Моя мама сильная женщина, – наконец произнес он.

– А моя мама заболела и умерла, – помедлив, сказала Юлиана. – Когда я была совсем маленькой. Я почти не помню ее.

В ее голосе Арктур услышал неприкрытую тоску и не нашел что сказать. Познать боль утраты ему не доводилось, и он никогда не проявлял сочувствия тем, кто потерял близких. Скорее находил их общество неприятным.

– Мне жаль, – выдавил он из себя.

Юлиана кивнула, похоже, не заметив его неловкости.

– Мы здесь точно в безопасности? – спросила она.

Арктур утвердительно кивнул в ответ, довольный, что разговор перешел к вопросу, ответить на который он вполне компетентен.

– Да, тут совершенно безопасно, – сказал он. – Стены бункера метровой толщины из пластбетона и усилены арматурой из неостали. Чтобы пробить их, потребуется крупнейший бур Гильдии Горняков, БДЕ-1400, например. А может даже и 1600-й.

– Ты хорошо разбираешься в бурах?

– Чуть-чуть, – ответил Арктур, таким тоном, чтобы у девушки не осталось сомнений о его *познаниях* в горном деле. – В моих планах стать геологоразведчиком. Когда-нибудь.

– Ты не собираешься идти по стопам отца?

Лицо Арктура потемнело, когда он услышал об отце.

– Нет, я ничем не могу ему помочь. Я не удивлюсь, если эта заварушка произошла по причине его выступлений против Конфедерации и сования носа не в свои дела.

– То, что делает Конфедерация, касается всех, – возразила Юлиана.

– Может быть. – Арктур пожал плечами и посмотрел на Айлина Пастера в надежде, что тот уже может изложить ситуацию за пределами бункера. – Я не знаю, и мне без разницы. Я просто хочу, чтобы ко мне не лезли, и не мешали идти своим путем по галактике.

– Но если Конфедерация идет на такие меры, как эти, никто не сможет так сделать.

Арктур снова покосился на Айлина.

– Это сказал тебе твой отец?

– На самом деле, это сказал *твой* отец, – с усмешкой в голосе ответила Юлиана.

– Тогда это интересует меня еще меньше.

– А ты не слишком вежлив, не так ли?

– Я тебя не знаю, – отрезал Арктур. – Почему я должен быть вежлив с тобой?

– Потому что даже поселенцы пограничных миров знают: быть вежливым с гостем, это признак хорошего тона.

Юноша увидел, как зарделись щеки Юлианы, и понял, что она права. Он был груб. Причем груб с красивой девушкой. Своим поведением он больше напоминал дикаря, а не сына сенатора.

Арктур глубоко вздохнул, и его лицо осветилось лучезарной улыбкой. Так он обычно улыбался девушкам в академии, если вдруг решал проявить к ним интерес. Улыбкой, от которой таяли девичьи сердца.

– Вы правы, я вел себя грубо. Простите, пожалуйста. Сегодня был... непростой вечер. На самом деле я не такой. И мне, правда, очень приятно находиться рядом с вами.

Она внимательно посмотрела на него, пытаясь проникнуть под маску неподдельной искренности. Однако даже самому искушенному человеку из светского общества Стирлинга это было не по силам.

Юлиана не имела никаких шансов устоять перед излучаемым юношей обаянием.

– Извинения принимаются, – сказала девушка с улыбкой. Арктур понял, что подцепить ее будет не так просто.

– Ты отлично эрудированна, не так ли? Мне это нравится, – сказал он в ответ. То, что дочь Айлина Пастера смогла устоять перед его игрой, лишь подогрело интерес Арктура.

– Корхал, может, и жемчужина в короне Конфедерации, но Умоджа тоже не страдает отсутствием культуры и хороших манер.

– Я никогда не был там, – признался Арктур. – Может, скоро приеду, если все ваши девушки настолько же красивы, как ты.

– Не настолько. Но, думаю, тебе там понравится.

– Уверен, что да. Нет желания стать моим гидом?

– Почему бы и нет, – сказала Юлиана. – Я могу показать тебе каньон Саренго.

– Где потерпел крушение суперноситель, – уточнил Арктур. – Говорят, захватывающее зрелище.

– Ты не будешь разочарован, – пообещала Юлиана.

– Договорились. Если переживем эту ночь. Я ловлю тебя на слове, – подытожил Арктур легким тоном, чтобы преуменьшить степень опасности.

Юлиана улыбнулась. Арктур хотел сказать что-то еще, и тут Айлин Пастер вдруг воскликнул:

– Кэтрин! Дверь!

Арктур посмотрел на видеостену, однако камера, снимающая коридор, была разбита в результате сражения. Панель доступа рядом с дверью пискнула комбинацией звуковых сигналов. Кэтрин подошла к двери, проверила правильность шифровки, затем ввела ответ.

С другой стороны кто-то ввел новую порцию кода, и Кэтрин снова ответила. Мать Арктура кивнула Айлину Пастеру, а затем набрала финальную комбинацию, открывающую замки.

Арктур испытал облегчение с примесью разочарования, понимая, что время их пребывания в убежище подошло к концу, и улыбнулся, когда в ожидании скорой развязки Юлиана от волнения сжала его руку.

Толстая неостальная дверь открылась, и в бункер с «Карателем» наперевес вошел Ангус Менгск – сенатор Корхала, муж Кэтрин, отец Арктура и Дороти.

Ангус был широкоплечим могучим мужчиной с гривой темных волос, сейчас собранной в хвост. В волосах, как и в бороде, уже пробивались седые пряди. Волевое лицо с возрастом загрубело, под густыми бровями сверкали холодные серые глаза.

Ангус повесил оружие на плечо и заключил жену в медвежьи объятия.

– Слава богу, ты спаслась, – сказал он. – Я знал, что ты присмотришь за всеми.

– У нас все в порядке, – подтвердила Кэтрин. – Эктона подстрелили, но жить будет. Все закончилось?

Ангус выпустил жену из объятий и кивнул.

– Да, они все мертвы.

Сидящий на кровати Арктур нервно сглотнул, когда увидел, что отец заметил его.

Ангус оторвал взгляд от Арктура и пожал руку Айлина Пастера. Хмурый вид уступил место улыбке опытного политика.

– Приятно видеть, что ты жив, мой друг.

– Как и ты, Ангус, – сказал Пастер. – Некрасивая история. И точно не какая-то ошибка. Конфедераты?

– Возможно, – сказал Ангус. – Обсудим подробности позже, хорошо?

Пастер кивнул. Ангус прошел мимо него и остановился перед Арктуром. Улыбка политика слетела с лица главы семьи как маска, которую отбрасывают за ненадобностью.

– Во имя отцов, что ты здесь делаешь, парень?! – потребовал ответа он. – Тебя опять выгнали из академии?

– Я тоже рад тебя видеть, отец, – сказал Арктур.

Глава 2

Ангус Менгск щедрой рукой плеснул себе бренди из дорогущего хрустального графина. Одним глотком осушив стакан с янтарным напитком и прикрыв глаза, он подождал, пока согревающая жидкость минует горло и скатится в желудок. Затем налил себе вторую порцию и в вопросительном жесте протянул бутылку Айлину Пастеру. Посол Умоджы отрицательно покачал головой.

– Нет, Ангус, спасибо, – отказался он.

– Я знаю, что ты не пьешь, Айлин, – сказал Ангус, – но ввиду сложившихся обстоятельств...

– Ангус, я не буду.

– Да брось, друг, – продолжил уговаривать Ангус, – один глоток точно не повредит.

– Он сказал, что не хочет даже одного. – Кэтрин вставила пробку в графин и бросила на мужа испепеляющий взгляд.

– Для меня не существует понятия «всего лишь один». Просто нет, – добавил Пастер.

– Ладно. – Ангус пожал плечами и поставил графин на стол.

Когда обитатели виллы пришли в себя после нападения, Ангус собрал всех в обеденном зале. В обширном, отделанном дубом помещении главенствовал роскошный стол из красного палисандра, украшенный резными барельефами пасторальных сцен сельского Корхала – идиллия, какой на самом деле никогда не существовало.

Около бара с напитками лежала шахматная доска. Изящные, вырезанные из слоновой кости фигуры стояли так, словно партия была в самом разгаре. Правда, белый король уже получил мат.

Кэтрин села за дальний конец стола, рядом с Дороти и Юлианой. Глядя на них, Ангус позволил себе чуть-чуть расслабиться. Его девочкам удалось избежать худшего, что случилось кровопролитной ночью. Но когда он посмотрел на Арктура, настроение сенатора сразу испортилось. Парень сидел, скрестив руки на груди, и упорно не хотел встречаться взглядом с отцом.

Эктон Фелд не стал разлеживаться на больничной койке и тоже пришел в обеденный зал. Выглядел мужчина ужасно – бледный от потери крови, с проступившей на коже испариной. Все знали, что ему нужен покой, но, к его чести, Фелд нашел силы присоединиться к обсуждению событий ужасной ночи, а также решить, как отплатить тем, кто стоит за нападением.

Менгск-старший с кровожадным выражением на лице ходил вдоль стола. Глаза главы семейства пылали гневом.

– Ангус, – сказала Кэтрин, – сядь, пока дырку в ковре не протер. Успокойся.

– Успокойся?! – взорвался Ангус. – Они хотели убить нас в нашем собственном доме! Вооруженные люди ворвались в наш дом и хотели убить нас всех! Клянусь, я приведу армию к Палатинскому форуму и собственными руками придушу Леннокса Крейвена, если в этом он хоть как-то замешан! Ради всего святого, Кэт, как быть спокойным, когда творятся такие вещи?

– Но ты должен, – твердо сказала Кэтрин. – Ты сенатор Корхала и потому не можешь позволить себя такую роскошь, как гнев. Это ничего не даст и лишь затуманит тебе рассудок. К тому же ты не знаешь наверняка, кто за этим стоит. Это мог быть и не Крейвен с его конфедератскими головорезами.

Леннокс Крейвен был генконсулом Сената Корхала – человеком, который следил за исполнением требований Конфедерации, лоббировал ее законопроекты и оказывал давление на строптивых сенаторов.

Ангус ненавидел его, считая Крейвена не более чем марионеткой в руках Старых Семей. Тех самых, что коррумпировали власть и являлись серыми кардиналами Конфедерации. Однако, при всем при том, Крейвен оставался очень влиятельным сенатором и ловким бизне-

сменом. Обмен подзуживаниями и колкостями между ним и Ангусом стали нормой в мраморных ложах Палатинского форума. Фактически династия Менгск тоже относилась к Старым Семьям, поэтому Крейвен никогда не упускал случая напомнить Ангусу, что негоже плевать в лицо обществу, коему ты обязан и властью, и богатством.

Ангус глубоко вздохнул и склонил голову в знак согласия. Потом улыбнулся жене и сделал глоток бренди.

– Ты права, дорогая, – сказал он. – Нужно непредвзято взглянуть на происшествие... Эктон? Есть мысли по поводу ночного происшествия? Что это за люди?

– Профессионалы, – отозвался Эктон Фелд. – Спецы хорошие, но мы вовремя спохватились благодаря выходке Арктура. Еще несколько минут, и... в общем, не хочется даже предполагать, что могло произойти.

– Нам с тобой еще предстоит обсудить систему безопасности виллы, – пообещал Ангус, поглядывая на сына. – Так все же, кто они?

Прикусив губу, Эктон Фелд задумался.

– Все указывает на то, что это корпоративная «команда смерти», – сказал, наконец, он. – Спецотряд, занимающийся устранением конкурентов, промышленным шпионажем, похищениями и прочими подобными вещами.

– Зачем кому-то заказывать Ангуса? – спросила Кэтрин. – И почему именно сейчас?

– Может, кто-то пронюхал о том, что Ангус решил высказать в своей речи на закрытии сессии Сената? – предположил Пастер.

– Да, кое-кому я бы точно прижал хвост, – согласился Ангус.

– Но ненадолго, – возразила Кэтрин. – К тому же, твои дела затрагивают лишь интересы Корхала.

– Многие на Корхале стали богачами благодаря делам с Конфедерацией, – заметил Пастер. – Значительная доля организаций работает и с Корхалом, и с Конфедерацией, и Ангус создает им проблемы. Если Конфедерация вылетит с Корхала, они потеряют миллионы.

– Эктон, думаю, что это маловероятно, но при обыске тел вы не нашли чего-либо, указывающего на их заказчика? – спросил Ангус.

Фелд покачал головой.

– Вся экипировка, какой они пользовались, это списанное армейское снаряжение. Достать ее несложно, если знать, где искать. Все выглядит как происки местных, но я в это не верю. Нутром чую, не сходятся тут концы с концами.

– И что именно чует твое нутро? – спросила Кэтрин.

– Здесь замешан кто-то покруче, нежели переживающая за свои сбережения корпорация.

– Почему ты так думаешь? – спросил Ангус.

– Потому что все мертвецы – морпехи. Ну, или бывшие морпехи.

– Морпехи, серьезно? Как ты узнал?

Фелд похлопал себя по затылку.

– Промытые мозги. У всех шестерых шрамы от невральной ресоциализации.

Айлин прочистил горло.

– Выходит, это дело рук конфедератов.

– Возможно, ты прав, Айлин, – сказал Ангус, – но действовать так жестко – перебор даже для них.

– Неужели? А ты слышал о восстании на Антиге Прайм?

– Нет. Что за восстание? Не припомню, чтоб по UNN говорили об этом.

– Ну, ты же знаешь, как это делается, – заметила Кэтрин. – Сам всегда говоришь, что новостными компаниями заправляют Старые Семьи. Они транслируют только то, что хотят нам показать. Свою интерпретацию фактов, сжатых до двадцати секунд покадровой нарезки и пафосных реплик.

– Так и есть, – ответил Ангус. – Так что там с Антигой Прайм?

– По слухам, горожане Андасара разогнали конфедератскую милицию и взяли в заложники местного магистрата. Они призвали народ положить конец разрухе и коррупции, и многие районы поддержали их призыв. В городе началось открытое восстание, но через два дня Конфедерация прислала отряд МПК под командованием лейтенанта Наданера, и тот зачистил территорию. В живых они не оставили никого.

– Боже правый, – сказал Ангус. – Сколько людей погибло?

– Никто точно не знает, – ответил Айлин. – Но мои источники говорят, что счет шел на тысячи.

– Именно поэтому нам нужно быть осторожнее, – заметила Кэтрин. – Если Конфедерация не постеснялась устроить такую резню, значит, они могут без всяких сожалений пойти на убийство сенатора и его семьи. Разве нет?

– Но зачем посылать ресоциализованных морпехов? – задал вопрос Арктур, оторвав взгляд от стола и подняв голову. – Ведь любые оставленные тела сразу наведут подозрения на Конфедерацию.

– Потому что они не рассматривали возможность поражения, – сказал Ангус, возвращаясь к хрустальному стакану на барной стойке. Он налил себе еще бренди. – Их наниматели ожидали, что они перебьют нас всех до единого и не оставят никого из своих. Чертова самонадеянность!

– Тогда зачем им беспокоиться о том, чтобы выглядеть как корпоративные убийцы? – сказал Арктур.

– Прикрытие, – пояснил Эктон Фелд. – На случай, если киллеры попадут на какую-либо запись. Конечно, заказные убийства, организуемые корпорациями, очень редки; но если вдруг вскроется, что покушение на видного сенатора устроила Конфедерация...

– Планета попросту взбунтуется, – закончила Кэтрин.

Ангус невесело рассмеялся:

– Мне почти жаль, что они до меня до сих пор не добрались.

– Не говори так! – крикнула Кэтрин. – Никогда.

– Прости дорогая, – сказал Ангус. Он остановился за спиной жены и поцеловал ее в щеку. – Я не подразумевал этого, но чувствую, придется предпринять что-то действительно из ряда вон выходящее, чтобы поставить Конфедерацию на колени. Это не произойдет в одночасье, но мы *все равно* разобьем их. И я скажу вам, как.

Ангус вновь прошелся вдоль стола. Затем заговорил.

– Не что иное, как высокомерие, послужит причиной их гибели. Они не видят дальше собственного носа. – Тон его голоса сменился на глубокий баритон, каким он обычно произносил речи на Форуме. – А когда ты не видишь, что творится вокруг тебя, ты начинаешь ошибаться. Однажды мой отец сказал, что если ты имеешь лишь молоток, тогда все остальное становится похожим на гвозди.

Сенатор сделал паузу и повернулся к присутствующим.

– Мы покажем им, что бывает, когда гвоздь дает сдачи!

* * *

В столовой не осталось никого, кроме Ангуса и Аркура. Неловкое молчание повисло в воздухе. Менгск-старший налил два стакана бренди. Один взял себе, подошел к сыну и предложил тому второй.

Арктур покосился на стакан с явным желанием выпить, но не уверенный в том, правильно ли он поступит в таком случае.

– Бери-бери, – сказал Ангус. – Знаю, ты еще молод, но разве после такой ночи это что-либо значит? Это будет тебе уроком: отличать важное от незначительного. Делай только то, что имеет смысл, и отбрось все остальное.

Взяв стакан, Арктур первым делом понюхал дорогой напиток. Крепость спиртного ударила в нос. Поморщившись, он попробовал сделать глоток. Глаза парня расширились, и он чуть не закашлялся. Усевшийся напротив Арктура, Ангус почувствовал, как гнев на сына покидает его.

Эктон Фелд в деталях рассказал, что за фокус выкинул мальчишка. И, несмотря на настрой наказать своенравное чадо, Ангус поневоле гордился его изобретательностью и легкостью исполнения задуманного трюка.

Однако, несмотря на невольное восхищение, Ангус не мог позволить Арктуру так просто отделаться.

– Твои преподаватели в академии знают, что ты отсутствуешь? – спросил он.

Арктур посмотрел на часы на запястье и улыбнулся.

– Узнают в ближайшие несколько часов, – сказал он. – Я послал на КПК директора Стигмана письмо с «трояном». Он откроет его за чашечкой утреннего кофе и серьезно подпортит себе предстоящий день.

Ангус покачал головой.

– Тебя ведь исключат за это.

– Возможно, – согласился Арктур, и Ангус с трудом поборол желание ударить его.

– Ты имеешь хоть какое-то представление о том, сколько стоит твоё обучение в Стирлингской академии?

Арктур пожал плечами.

– Нет.

– Очень много. И множество потенциальных студентов только и ждут, как бы занять твоё место.

– Ну так позволь им его занять, – сказал Арктур. – Все равно я там ничему не научусь.

Ангуса сильно раздражала воинственность сына. Однако, вспоминая себя в этом возрасте, он сдерживал эмоции. Когда-то он тоже только-только приблизился к зрелости, к началу полнокровной жизни, и думал, что знает все, что нужно знать об этом мире. Арктур ничем не отличался от него. Поэтому только сейчас Менгск-старший оценил терпение, которое проявлял к нему его собственный отец.

Прежде чем вновь заговорить, сенатор сделал глубокий вдох.

– Слушай меня, сын. Твоя жизнь здесь – это тепличные условия. Пришло время узнать, что там, в мире за этими стенами, жизнь жестока. И ты не готов к этому.

– Я справлюсь.

– Нет, – отрезал Ангус. – Не справишься. Не буду скрывать, я впечатлен тем, что ты сделал вчера вечером. Но запомни: рано или поздно подобные трюки заканчиваются смертью.

Арктур засмеялся.

– Ты уже переигрываешь.

– Нет, несколько. Это правда. И поэтому ты будешь наказан.

– Почему?! – воскликнул Арктур. – Если бы не я, эти люди убили бы нас!

– Думаю, ты и сам понимаешь, что нас спасла бдительность Фелда.

– Это была шутка, – сказал Арктур. – И потом, разве теперь это имеет значение? После того, что случилось? Или следовать собственным поучениям тебе нет нужды?

Ангус поставил стакан и, скрестив руки на груди, слегка подался над столом вперед.

– В тебе есть способности вести дебаты. Но ты все равно будешь наказан. Пустить молодежь на самотек, означает поощрять безрассудство и пренебрежение к существующему порядку вещей. Что является проклятием любого стабильного общества.

– Кто бы говорил, – возразил Арктур. – Ты протестуешь против существующего порядка постоянно. Я регулярно слышу в разговорах студентов академии, что ты только и делаешь, что накаляешь обстановку на Корхале. Своими речами о коррупции в Конфедерации, и как было бы нам лучше без нее. Это почему-то тебя не смущает!

Ангус откинулся на спинку стула, удивленный вспышкой Арктура. То, как сынишка представляет жизнь за пределами своего мирка, вызвало в нем гнев.

– Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, – сказал Ангус. – То, что делает Конфедерация на Корхале, это преступление. Повсюду коррупция, откаты, взяточничество. Если у тебя есть деньги, закон становится не более чем шуткой. Практически каждый кредит, заработанный гражданами Корхала, идет в казну нескольких корпораций-марионеток Конфедерации. А это наша собственность! Независимые от Конфедерации предприятия чахнут и закрываются! Скажи мне, *это* по-твоему должный порядок вещей?!

– Я не знаю, – помолчав, ответил Арктур. – Все, что я хочу, это стать геологоразведчиком.

– Геологоразведчиком? Чтобы копаться в грязи и камнях, как какой-нибудь келморийский контрабандист? Вряд ли. Ты сын сенатора, Арктур! И твое предназначение заниматься более серьезными вещами, нежели разведка недр!

– Я *не хочу* великих занятий. Я просто хочу делать то, что *мне* нравится, а не то, чем я, по твоему мнению, обязан заниматься.

– Ты слишком молод, чтобы действительно знать, чего хочешь, – сказал Ангус.

– Я знаю, что не хочу идти по твоим стопам, – огрызнулся Арктур. – Черт возьми, я даже могу записаться в армию!

– Не будь так уверен. Это в тебе говорит гнев, – сказал Ангус. – Ты далек от реалий жизни. Не знаешь, что сделала Конфедерация и что еще сделает, если никто не остановит ее. После крушения суперносителей Старые Семьи веками гребут все под себя с помощью силы, хитрости и коррупции. Скоро не останется ничего, что еще не попало под их контроль.

– Ну и что? Кто сказал, что это плохо?

Ангус подавил гнев, но почувствовал, что еще немного, и упрямство сына доведет его до белого каления. Неужели парень не понимает, насколько коррумпирована Конфедерация? Как будто он не был свидетелем того, какая ужасная судьба ждет всех благомыслящих людей в случае отказа следовать политике тотального подчинения далекому, бездумному и жестокому правительству.

Глядя Арктуру в лицо, Ангус видел, что сын не желает вникать во все это. Сердце мужчины упало.

Выступая на Палатинском форуме, Ангус Менгск мог склонить упорствующих сенаторов на свою сторону, мог выиграть безнадежные процессы силой собственного красноречия, но не мог убедить родного сына в том, что Конфедерация – великое и ужасное зло, угроза всему, что ценят свободные люди Корхала.

Ангус Менгск, сенатор-смутьян и сын Корхала, может стать спасителем родной планеты... но при этом может потерять сына.

Он прочувствовал всю иронию ситуации.

* * *

Следующим утром, едва солнце показалось над вершинами гор, Арктур зевнул, услышав, как открылась дверь в комнату. Он повернулся лицом ко входу и улыбнулся. В проеме двери стояла Дороти, сжимая в объятиях светло-голубого игрушечного пони по имени Понтий.

– Как дела, Малютка Дот? – спросил Арктур, приподнимаясь на кровати.

– Почему ты ругаешься с папочкой? – спросила Дороти.

Арктур засмеялся.

– Это серьезный вопрос для такой маленькой девочки.

– Но почему?

Арктур опустил ноги на пол и развел руки в стороны. Дороти подбежала и запрыгнула к нему на колени.

– О, ты с каждым днем становишься все больше, – сказал Арктур. – Ты толстеешь!

– Ничего я не толстею! – завизжала Дороти, тыча пальчиками брату в ребра.

– Ладно, ладно! Ты не толстая!

– А я что говорю, – сказала Дороти, довольная, что последнее слово в споре осталось за ней. Она посмотрела на Арктура. Юноша знал, что сестренка не забыла, что он не ответил на вопрос.

– Я хочу, чтоб вы с папой не ругались, – сказала Дороти.

– Мне тоже хотелось бы этого.

– Так почему вы ругаетесь?

– Трудно объяснить, Дот, – сказал Арктур. – Мы с папой... ну, у нас с ним разные мнения по поводу многих вещей, он очень упрямый и не хочет признавать, что не всегда прав.

– А ты что, всегда прав?

– Нет, не всегда, но...

– Как ты тогда можешь знать, что папа не прав?

Арктур открыл рот, дабы ответить на логические выкладки ребенка, и смутился, когда не смог найти ответа, что устроил бы обоих.

– Полагаю, я не знаю. Но он хочет, чтоб я делал то, что я не хочу.

– Что, например?

– Например, не быть тем, кем я хочу быть, – сказал Арктур.

– А кем ты хочешь быть? Разве ты не хочешь быть как папа?

Арктур покачал головой:

– Нет.

– Почему?

Тихий стук избавил Арктура от необходимости отвечать. Он поднял глаза и увидел в дверном проеме мать. В длинном платье кремового цвета с темно-синим лифом Кэтрин Менгск выглядела свежей и бодрой, словно спала всю ночь, а не отбивалась от вооруженных боевиков.

– Дороти, пора завтракать, – сказала она.

– Но я не голодна! – заявила девочка.

– Не спорь со мной, юная леди, – предупредила Кэтрин. – Спускайся на кухню и скушай кашу, приготовленную для тебя Сеоной. И не надо воротить нос. Иди.

Дороти потянулась к Арктуру и чмокнула его в щеку. Потом спрыгнула с коленей брата и выбежала из комнаты, волоча за собой Понтия.

Как только Дороти ушла, Арктур встал с кровати, надел рубашку и темные брюки, отрегулировал подтяжки.

– Ты так и не ответил на ее вопрос, – сказала мама.

– Какой вопрос?

– Почему ты не хочешь быть похожим на отца?

Арктур пригладил рукой темные волосы. Налил в стакан воды из серебряного кувшина у кровати. Прежде чем ответить, с шумом выпил.

– Потому что я хочу заниматься чем-то своим в жизни.

Кэтрин прошла в комнату – изящная, сильная – и положила руку на плечо Арктура. В этом прикосновении чувствовалась материнская любовь и утешение. Арктур подумал, что было бы здорово, будь они с отцом так же близки, как с матерью.

– Арктур, отец просто хочет, как лучше, – сказала мама.

– Он? Порой я думаю, он просто хочет слепить из меня свою копию.

Кэтрин улыбнулась.

– На самом деле я вижу, как много у вас общего. Но *моего* у тебя тоже в достатке, так что копией отца ты точно не станешь.

– Это утешает, – сказал Арктур, но улыбка исчезла с его лица, когда он увидел в глазах матери боль.

– Прости, – сказал он. – Знаю, он хороший человек, но он просто не понимает меня.

– Думаешь, ты первый семнадцатилетний парень, который так высказывается о своем отце?

– Полагаю, нет.

– Ты замечательный мальчик, Арктур. Ты можешь вершить великие дела, если позволишь себе. За что ты ни берешься, ты всем овладеваешь за считанные дни. Отец просто хочет убедиться, что ты по максимуму реализуешь свои таланты.

– Помню, когда я был в возрасте Дот, ты говорила, что я буду великим руководителем, – сказал Арктур. – Но я уже давно вырос.

Кэтрин взяла его за руки и посмотрела в глаза:

– Тогда это было так же верно, как и сейчас.

Грандиозные мечты матери в отношении его будущего смутили Арктура, и он сменил тему:

– Мне точно стоит возвращаться в академию?

– Точно. Знаю, тебе там не нравится, но для меня важно, чтобы ты получил образование.

Ты *точно* отменил отправку письма с «тройном» директору Стигману?

– Отменил, – ухмыльнулся Арктур. – Хотя мое исключение стоит того, чтоб увидеть рожу директора, когда вирус начнет рассылку его личных файлов родителям всех студентов.

Мама с осуждением покачала головой, но Арктур заметил, что ее забавляет мысль об унижении Стигмана.

– Даже думать не хочу, что может содержаться в «личных файлах» этого гнусного человечки.

– А Айлин Пастер с дочерью не планируют еще погостить у нас? – спросил Арктур, услышав какое-то оживление в другом крыле дома.

Кэтрин уловила нотки заинтересованности в голосе сына и прищурилась.

– Да, они погостят некоторое время. Отец считает, что будет благоразумным, если они поживут с нами, пока не приедут дополнительные охранники и не сопроводят всех нас в Стирлинг.

– Звучит убедительно, – пытаюсь сохранить невозмутимый вид, кивнул Арктур. Конечно же, его мать увидела, что это напускное безразличие, и улыбнулась.

– Она очень красива, – сказала Кэтрин. – Юлиана.

– Да, красива, – согласился Арктур. – Я думаю, что нравлюсь ей.

Мама нагнулась и поцеловала его в щеку.

– Как же тебя не любить, мой красавчик? Теперь иди и позавтракай с сестренкой. А то знаю, стоит не проследить, и она уприсит Сеону накормить ее одними сладостями, что чревато для нее бессонными ночами.

Арктур направился на первый этаж, к кухне, по тому самому коридору, что ночью был заполнен дымом и звуками перестрелки. Прислуга уже убрала трупы, осталось только как следует почистить залитые кровью ковры.

Юноше до сих пор не верилось, что те люди пытались убить всех в доме. Сама мысль о том, что кто-то готов убивать беспомощных мирных граждан ради денег, казалась нелепой... но если уроки по истории и научили его чему-либо, то это тому, что целые цивилизации были уничтожены и за меньшее. Битва насмерть ради чести, славы, земли или свободы – вот благо-

родные идеалы, ради которых можно как убить, так и умереть... правда в планы Арктура на ближайшее время ничего подобного не входило.

Он поставил ногу на ступеньку; дерево скрипнуло. Часть перил была выломана, а сохранившиеся секции шипы «Карателей» измочалили так, что выщербленные щепки устилали лестницу до самого низа. Мраморные и отштукатуренные стены пестрели многочисленными выбоинами от пуль.

Спустившись вниз, Арктур услышал голоса в столовой. Дверь в зал была приоткрыта. Узнав зычный голос отца и вкрадчивый тон Айлина Пастера, парень замер.

Арктур из любопытства решил выяснить, о чем беседуют взрослые, и прокрался к двери.

– ...именно поэтому нам, как никогда, нужна ваша помощь, Айлин, – говорил отец. – Корхал не справится с ситуацией в одиночку. Мы собираем силы, но без поддержки Умоджи Конфедерация уничтожит нас.

– Я понимаю, – ответил Пастер, – но ты тоже должен понимать щекотливость нашего положения. Нельзя допустить, чтобы Умоджу уличили в открытой помощи тебе, Ангус. Нам и так нелегко из-за мер противодействия политике Конфедерации. Публичное сотрудничество с таким смутьяном, как ты, даст им повод усилить давление. Совет Правления охотно предоставит твоим людям все необходимое, но о нашем участии никто не должен знать.

– Это естественно, Айлин, но настал переломный момент. Нападение прошлой ночью лишний раз доказывает, что они в отчаянном положении. Мои сторонники в Сенате и по всему Корхалу поднимут шум, плюс по всему сектору вспыхивают локальные восстания. Ты об этом знаешь. Для свержения старых порядков хватит одного яркого примера того, что на Конфедерацию можно найти управу. И Корхал может стать таким примером, но только при вашей поддержке.

– Ты получишь ее... Но то, о чем ты говоришь... тебя назовут террористом.

– Я предпочитаю термин «борец за свободу», – сказал Ангус.

– Это зависит от того, победишь ты или нет.

– Поэтому мне и нужны гарантии, что я буду победителем.

Арктур знал, что услышанные слова имеют огромное значение, но не улавливал их смысл. Что отец может планировать такого, чтобы на него повесили ярлык террориста? Уже само слово было ярким, рисующим образы угрюмых мужчин, что таятся в укромных местах и планируют смерть невинных, преследуя какие-то свои дьявольские цели.

Мысль о том, что отец может быть таким человеком, пугала Арктура. Его твердое представление об Ангусе Менгске как о влиятельном, обладающим могуществом, но все же великодушном человеке, теперь казалось хрупким, как стекло.

Пока такие мысли мелькали в голове Арктура, он услышал шаги. Юноша слишком поздно осознал, что звук приближается к двери, у которой он подслушивает. Арктур хотел отойти, но не успел – тяжелая рука схватила его за рубашку и втащила в столовую.

– Ты что, шпионишь за мной?! – вскричал Ангус. – Что ты слышал?

Арктур вырвался из рук отца.

– То, что ты террорист! – прокричал он.

Ангус развернул его и толкнул на ближайший стул.

– Ты ничего не слышал, сын, – сказал Ангус. – Эти слова не предназначены для таких, как ты.

Арктур посмотрел на Айлина Пастера. Мужчина явно удивился и встревожился, что Арктур подслушал разговор.

– Что ты собираешься делать? – спросил Арктур у отца. – Ты собираешься убивать людей?

Ангус уставился на него. Холодный серый взгляд проник в самое сердце сына.

Арктур понял, что отец принял для себя какое-то решение.

Пастер также это заметил и сказал:

– Ангус... ты уверен?

– Да. Ведь ему уже скоро восемнадцать. Пришло время вести себя как мужчина, так что я буду обращаться с ним, как с мужчиной.

Арктур ощутил нервную дрожь от слов отца.

Неужели сейчас с ним будут говорить по-взрослому, как он мечтал все эти годы?

– Ну что, мальчик, ты готов стать мужчиной?

Арктур подумал какую-то долю секунды и ответил:

– Готов.

– Хорошо, – сказал Ангус. – Я с уважением отнесусь к этому. Но ты должен понимать – то, о чем я тебе собираюсь рассказать, не должно покинуть эту комнату.

Ангус протянул Арктуру руку.

– Поклянись мне, и я все тебе расскажу.

– Клянусь, – сказал Арктур, пожимая руку отца.

– Очень хорошо, – сказал Ангус, присаживаясь рядом с Арктуром и закидывая ногу на ногу. – Ты ведь в курсе, что я всеми фибрами души терпеть не могу коррупцию Конфедерации, но конфедераты зашли еще дальше. Старые Семьи с планеты-столицы Тарсониса контролируют абсолютно всё. Весь аппарат Конфедерации ориентирован на поддержание их власти, эксплуатируя подчиненные им миры по полной программе и выкачивая оттуда ресурсы. В целом, это всё.

– Ты собираешься бороться с Конфедерацией? – спросил Арктур. – Зачем?

– Потому что кто-то должен, – сказал Ангус. – Их империя распространилась слишком далеко, нужно только толкнуть в определенном месте, чтобы она рассыпалась, как картонный домик. Людей тяготит ярмо Конфедерации, запах восстания витает в воздухе – его можно почувствовать.

– Ты собираешься объявить войну Конфедерации, – недоверчиво сказал Арктур.

– Не совсем войну, – ответил Ангус. – По крайней мере, пока.

– Терроризм, – сказал Арктур. – Так это называется?

– Не сомневаюсь, что некоторые так и будут это называть, но если ты хорошенько подумаешь, то поймешь: то, что делает Конфедерация, тоже легко может быть истолковано как терроризм.

– Уверен, что это не одно и то же.

– Да неужели? – хмыкнул Ангус. – Разве цель терроризма не в том, чтобы убивать и калечить людей, неважно кого, лишь бы заставить их подчиняться приказам? И разве Конфедерация не проводит военные операции в качестве устрашения, чтобы заставить население плясать под свою дудку?

– Но в этом-то и разница, – сказал Арктур. – Это уже война.

Ангус покачал головой.

– Не совсем так. В конце концов, цель войны не в том, – или, по крайней мере, не должна быть в том, – чтобы убить всех до единого в армии противника. Однако при уничтожении достаточного количества живой силы их лидеры начинают больше бояться продолжения войны, чем капитуляции.

– Тогда, исходя из твоих рассуждений, любые военные действия попадают под определение террористического акта, – принуждение через устрашение с применением насилия.

– Именно, – подытожил Ангус, довольный тем, что добился своего.

– Но ты же не собираешься убивать людей? – уточнил Арктур.

– На войне люди умирают. Это печально, но неизбежно, – ответил Ангус. – Я бы хотел, чтобы все было иначе, но Конфедерация принесла войну с собой. Однако в отличие от них

мы не будем причинять вреда мирному населению. Нашими целями будут только военные объекты.

– И все равно это неправильно, – сказал Арктур. – Все равно будут умирать люди, и убивать их будешь ты.

Ангус откинулся на спинку стула. Его лицо выражало разочарование.

– Я думал, что ты достаточно взрослый, чтобы понять необходимость таких действий. Вижу, что был неправ. Ты все еще ребенок и думаешь, как ребенок. Ты еще не способен увидеть реальный мир за пределами своего эгоистичного внутреннего мирка.

Слова отца уязвили Арктура до глубины души, и он вспыхнул от обиды. Юноша резко поднялся и направился к двери.

– Ангус... – прошипел Айлин Пастер.

– Сын! – рявкнул Ангус. – Ты никогда и нигде не должен упоминать об этом разговоре! Ты понял? Никогда!

– Я понял! – огрызнулся Арктур.

Глава 3

Солнечный свет пробивался сквозь деревья и бликами отражался от наземных машин, несущихся по дороге в Стирлинг. Машин было шесть. В одной находилась семья Менгск, в другой – Айлин Пастер с дочерью, в остальных четырех ехали вооруженные люди.

Это были «Терра-Кугуары» пятьдесят восьмого года. Старая модель наземных машин, любимая многими сенаторами Корхала за тяжелое армированное шасси и толстое бронепокрытие – особенности, сорвавшие не одно покушение.

На двух машинах стояли станковые «Каратели». С большой скоростью кортеж мчался по широкой дороге. Три ховербайка «Стервятник», выдерживая дистанцию в полкилометра, вели наблюдение за редким движением транспорта на пути следования.

Этим утром движение было незначительным. Тем не менее Эктон Фелд решил не рисковать. Он приказал охране сперва стрелять, а уж после задавать вопросы, если после гранатометного залпа «Стервятников» кто-нибудь выживет. Конфедераты уже пытались убить Ангуса Менгска, и Фелд ни секунды не сомневался, что они попробуют снова.

Арктур любовался мелькающим за окнами пейзажем. Пышная зелень смешивалась с роскошной желтизной осенних тонов, как на картине, размытой дождем. Летняя усадьба семьи Менгск находилась в шестидесяти километрах к югу от Стирлинга. Сельская местность по пути к городу считалась одной из самых зеленых и пышных на Корхале, хотя с каждым годом эта красота сокращалась, ибо городской промышленный сектор расширялся все больше и больше.

Отец выбрал это место по причине того, что оно достаточно удалено от Стирлинга, и сюда можно сбежать от беспрестанной суеты Сената и бизнеса, но в то же время относительно близко, чтобы всегда быть в курсе событий.

По мере приближения к академии, настроение Арктура ухудшалось с каждым оставленным позади километром. Отец сидел напротив с каменным лицом, улыбаясь каждый раз, когда мама смотрела на него. Дороти устроилась сзади рядом с Арктуром, встав коленями на сиденье. Крепко обнимая Понтия, девочка смотрела в поляризованное бронированное окно наземной машины.

Посмотрев на лицо сестры, озаряемое беспечной радостью, Арктур улыбнулся. Ему захотелось вернуться в те времена, когда жизнь была намного проще. Дороти волновал только Понтий, конфеты и наличие рядом папы. Пока ей не нужно следить за тем, чтобы не разочаровать кого-либо, или играть роль того, кем она не хочет быть.

Что бы она ни делала, Ангус души в ней не чаял, и это раздражало Арктура. Впрочем, раздражение быстро уходило, так как он понимал, что глупо ревновать к четырехлетнему ребенку.

Несмотря на замечания матери о цвете листьев и красоте пейзажа и энтузиазм Дороти по поводу поездки, атмосфера в машине веяла напряженностью. После грубого разговора вчерашним утром в столовой, Арктур не обменялся с отцом и парой фраз. Никакие примирительные слова матери не могли устранить возникшую пропасть, которая с каждой минутой тишины только росла.

Арктур не отрывал взгляда от пейзажа за окнами, пока машина проезжала мимо невысоких холмов, направляясь к южной части города. Несмотря на постоянный рост деловой сферы, Корхал оставался непокорным зеленым миром. Власти планеты оказались достаточно предусмотрительными, чтобы заложить в бюджет возобновляемые источники энергии и принять закон о соблюдении чистоты атмосферы. В результате Корхал стал одним из немногих миров Конфедерации, сочетававшим в себе процветающий центр торговли и промышленности и славный край для проживания и туризма. Арктур еще не покидал планету, но его стремления лежали вдалеке от небес Корхала. Он хотел путешествовать в межзвездном пространстве и

исследовать новые миры. Он хотел сколотить состояние *собственными* руками, а не просто унаследовать, как довелось отцу.

Тот факт, что отец тоже неустанно работал, как только достиг совершеннолетия, Арктуру как-то не приходил в голову. Не то чтобы юноша был против наследования богатств, титулов и положения в обществе – традиции династий Корхала были четко расписаны, – но он хотел стать известным, как человек, который достиг вершины всего только за счет своих собственных способностей. Он хотел, чтобы люди смотрели на него и знали, – все, чего он добился, он добился через пот, кровь и самопожертвование.

Его мысли о будущем оборвались, когда просветы между деревьями превратились в мерцающее серебряное решето. Появлялись первые признаки цивилизации. Несмотря на плохое настроение, Арктур улыбнулся. В распадках между холмами он уже различал дразнящее мелькание Стирлинга.

Огромный город, Мекка возможностей для самореализации, яркий пример того, чего могут достичь люди за два столетия от начала колонизации планеты. Арктур любил городскую атмосферу: изобилие, развлечения, суета, вездесущие пестрые толпы людей. Чего бы ни пожелал человек, он мог найти это в Стирлинге. И даже больше – если знать, где искать.

Машина перевалила через тянущуюся вдоль дороги гряду холмов, и город открылся взору Арктура целиком.

Сколько бы раз юноша не созерцал открывающийся вид, от него всегда захватывало дух.

Стирлинг походил на застывший след упавшей в лужу капли ртути. Серебряные вершушки устремленных ввысь сооружений величественно возвышались в центре города, постепенно уменьшаясь в размере по мере приближения к окраинам. Невообразимая сеть эстакад окружала и пронизывала сияющий мегаполис, как сотни темных шерстяных нитей. Город ослеплял яркими бликами от неостали и стекла, из которых построили большинство зданий.

Архитектура Стирлинга не отличалась изысканностью. Большинство башен и шпилей принадлежали либо мегакорпорациям, либо кланам Старых Семей. Понятное дело, что каждый из владельцев старался превзойти соседей высотой и монументальностью сооружения. Когда-то город ограничивали изящные дугообразные стены, но с развитием торговли немалая часть инфраструктуры оказалась далеко за их пределами.

Владения самых богатых семей Корхала также находились за стенами Стирлинга, и семейство Менгск не было исключением.

«Небесный шпиль» Менгск представлял собой мощное, похожее на крепость строение, которое возвышалось над ближайшими сооружениями: Континентал-билдинг, башней «LarsCorp» и филиалом «Universal News Network» на Корхале. Арктур ненавидел «Небесный шпиль», – его угловатые черты в неоготическом стиле никак не сочетались с плавным и элегантным дизайном соседних зданий. По мнению юноши, шпиль был ничем иным, как архитектурным воплощением отца: холодным, безжалостным и бескомпромиссным.

По мере приближения к городу движение становилось интенсивнее. Скорость машин упала. «Стервятники» вернулись к кортежу и окружили его, как опекающие цыплят квочки. Арктур наблюдал за транспортным потоком, который жил своей жизнью, двигался в своем ритме. Вглядываясь в проносящиеся мимо лица, он думал об этих людях.

Каждый представлял собой самодостаточный мир, вокруг которого вращается вселенная. Арктур от нечего делать пытался подобрать подходящие истории под каждое лицо: чем живут эти люди? Какие у них мечты и стремления? Что поднимает их с постелей каждый день и влечет на фабрики и в офисы Стирлинга?

Любовь? Амбиции? Желание? Жадность?

В наблюдении за торопящимися на работу горожанами перед Арктуром проплывала вся человеческая жизнь – смех, ссоры, невозмутимая тишина и тысячи других вещей. Он видел,

как беседуют мужчины и женщины, отцы и дети, любовники и коллеги – маленькие миры, полные надежд и грез о будущем.

Молодая девушка с желтой лентой в волосах ехала в машине на пассажирском сиденье по соседней полосе. Она заметила, что Арктур на нее смотрит, и помахала рукой. Он улыбнулся и махнул в ответ, чувствуя необъяснимую близость к этим людям Корхала, чувствуя, что в какой-то степени он свой среди своих. Он ощущал родство с окружающими, некую связь с теми, с кем он делил родной мир. Подобные чувства посетили его впервые.

Машина девушки съехала с автомагистрали и исчезла из виду. Арктур вновь обратил внимание на город, в стеклянных и стальных каньонах которого утонул кортеж семьи Менгск.

Напряженная тишина в салоне машины нарушилась, когда автомобиль приблизился к зданию нового Форума Ассамблеи Корхала.

Или к тому, что *должно было* стать новым зданием Форума Ассамблеи Корхала.

Башенные краны и громадные землеройные машины вокруг чудовищного недостроенного каркаса из бетона и стали бездействовали. Выглядело все так, словно здание подверглось налету мародеров. Неподалеку располагались несколько сборных бараков, но похоже, ни людей, ни роботов на стройке не было.

Арктур не считал себя эстетом, но даже для его неискушенного взгляда это сооружение выглядело как плод ужаснейших кошмаров умалишенного архитектора.

– Вы только взгляните на это. – Ангус Менгск указал на недостроенное здание. – Даже не знаю, есть ли более наглядный символ морального упадка и коррупции Конфедерации.

– Дорогой, пожалуйста, не начинай, – попросила Кэтрин, но Ангус не мог сдержать своего возмущения.

– Зачем, спрашивается, нам новое здание для Сената? Чем им не угодил Палатинский форум? Да, он старый, но имеет свою изюминку и хранит традиции. Это очередное фиаско с постройкой подводит итог всему, что не так с Конфедерацией: деньги оседают в карманах коррумпированных чиновников, извращенные приоритеты и надменное безразличие к общественному мнению. Вы в курсе, что на строительство уже потратили полмиллиарда? И что это не финал? Ах да, это при изначальной смете в шестьдесят три миллиона! Куда, спрашивается, делись такие деньжищи? Ушли на безрассудные траты вроде регистрационного стола из дорогущего чау-сарского дерева и на взятки городским чиновникам Конфедерации. Они «трудятся» над зданием уже шесть лет, а конца стройки так и не видно. Ну да, обещают, что закончат к концу года, но посмотрите... разве это реально?

– Нет, дорогой, нереально, – с чистым сердцем согласилась Кэтрин.

– На самом деле, людям известно о Конфедерации лишь то, что за всё надо переплачивать в четыре раза. Благодаря взяткам, которые нужно заплатить, чтобы что-то сделать, благодаря десяткам непонятных «налогов», которыми облагается любой проект, если он не предназначен для набивания карманов Старых Семей.

– Тогда ты должен благодарить Конфедерацию за военное снаряжение, – сказал Арктур.

– О, так и есть, сын, – сказал Ангус, забыв в пылу гнева о напряжении между ними. – Весь этот проект стал общественной катастрофой, которую, слава Богу, даже UNN не боится освещать. И я твердо намерен этим воспользоваться.

И Менгск-старший продолжил перечислять многочисленные дефекты в конструкции сооружения, а также ошибки в технологиях, по которым его строят. Точнее *не* строят.

Арктур перестал обращать внимания на слова отца, как только недостроенное здание пропало из вида.

В глубине города ощущение колоссальности небоскребов лишь усилилось. Кортеж летел в полумраке улиц. Арктур чувствовал, как пробегает по спине холодок, когда водитель ловко подрезал чужие машины в потоке транспорта.

Улицы были заполнены прилично одетыми и успешными людьми, и лишь немногие оборачивались на проносившийся мимо кортеж. Для Стирлинга подобное зрелище считалось вполне естественным, ввиду того, что многие сенаторы и промышленные магнаты предпочитали такой способ перемещения.

Ангус протянул руку и включил коммуникатор на подлокотнике.

– Айлин, – сказал он. – Мы подъезжаем к академии, где высадим Арктура. Поэтому чуть-чуть отстанем. Будем надеяться, что на этот раз он никуда не денется.

Последняя реплика предназначалась для ушей Арктура, но юноша проигнорировал колкость отца. Кэтрин положила руку на плечо Ангуса и с неодобрением посмотрела на него.

– Хорошо, Ангус, – ответил Айлин Пастер. – Я буду ждать вас в «Небесном шпиле».

Когда коммуникатор отключился, Арктур вздохнул. Машина проезжала мимо цветущего парка и игровых площадок Стирлингской академии. Здания поределели, утратили грубость форм и размеров, так как кортеж въехал в центр культуры и наследия, где из перспективной молодежи лепили законопослушных граждан Конфедерации.

Арктур хорошо знал этот район, несмотря на то, что директор Стигман запрещал студентам покидать огражденный стенами и охраняемый патрулями кампус академии. Парень давно решил, что на столь пустяковые правила не стоит обращать внимания. Так что он (с группой избранных авантюристов) частенько выбирался в экзотический, освещенный неоновыми огнями ночной город.

Разумеется, папа и мама пребывали в неведении о таких «маневрах» сына, но чем меньше они знают о его похождениях, тем лучше. По мнению Арктура, родители должны знать как можно меньше о делах отпрысков, потому что если они хотя бы начнут догадываться обо всех проделках, то обязательно попытаются установить запреты.

Огромный часовой шпиль академии возвышался над безукоризненно ухоженными рядами деревьев. Арктур вздохнул, предвидя последующие полгода просиживания в стерильных классах, пересуды знающих о политике и истории намного меньше него болванов, которые только и делали, что болтали об ожидающей выпускников великой судьбе.

Юноша тряхнул головой, избавляясь от невеселых мыслей. Машина замедлила ход и свернула на дорогу из гравия, ведущую к контрольно-пропускному пункту академии.

В качестве КПП служила старая кирпичная сторожка и пара деревянных пильных козлов поперек дороги к кампусу, перед которыми стояли оранжевые пластиковые конуса. Машина притормозила у сторожки. Из будки вышел Старый Алкаш. Сторож склонился к окнам автомобиля и осмотрел находящихся внутри людей.

Старый Алкаш – так величали студенты почтенного привратника. Арктур никогда не задумывался над тем, как его зовут на самом деле. Уже с утра от старика несло спиртным за километр. Распухший нос и одутловатые щеки завязтого алкоголика изобиловали прожилками лопнувших капилляров.

От привратника пахло перегаром, и Арктур сморщил нос.

«Раненько начал», – сделал вывод парень.

– Доброе утро, мистер Менгск, – поздоровался Старый Алкаш, снимая фуражку при виде Ангуса. Лишь единицы людей на Корхале не знали отца Арктура в лицо. Его эпатажная политическая игра и нескончаемые пикировки с Конфедерацией регулярно освещались в репортажах UNN. Ангус был популярен в большинстве регионов Корхала, а в местах, на которые он не жалел денег (академия входила в их число), его чествовали и прислуживали, как особе королевской крови.

Старый Алкаш пошаркал к козлам и с криком убрал их с дороги. Потом он собрал конусы и махнул машине. Водитель дал газу, и машина проехала вперед.

– Десять миллионов на «усиление мер безопасности», чтобы защитить сыновей и дочерей Корхала от нападений повстанцев, – покачивая головой, подытожил Ангус, когда лицо Старого

Алкаша с тупой ухмылкой уплыло прочь, и машина въехала на территорию академии. – Дорогая, ты помнишь тот благотворительный бал, что устроила академия, чтобы собрать деньги на улучшение этих самых мер безопасности?

– Да, помню, – сказала мать Арктура с ноткой отвращения. – Этот мерзкий директор Стигман вел себя как скользкий торгаш, всеми способами выклянчивая эти деньги. Весьма неприятный был вечер.

Ангус кивнул:

– Я пожертвовал полмиллиона с лишним в тот фонд и теперь вижу, какую безопасность они на них купили: пара деревянных досок и несколько дорожных конусов, перетаскиваемые неподобающе одетым толстяком. Держу пари, большая часть тех средств ушла Стигману в карман.

Арктур запомнил на будущее эту деталь и уставился на громаду Стирлингской академии, возвышающейся над ухоженным лесом и обширными газонами пышной зеленой травы. Лужайки украшали лучшие образцы фигурной стрижки, а молодежь уже практиковалась с рапирами под бдительным надзором мастера Миямото.

– Если бы не уровень здешних преподавателей, я бы предпочел учить мальчика сам, – продолжил Ангус, и Арктур едва удержался, чтоб не засмеяться во весь голос от подобной идеи.

Вековое здание построили из шлифованного серого гранита; от него просто веяло роскошью. Величественная галерея с колоннами прикрывала вход, а треугольный фронтон украшали изображения героических личностей и знаки академического и военного отличия.

В красиво оформленных нишах по всей длине стояли скульптуры, а замысловато вырезанные орнаменты заполняли пространство между высокими узкими окнами. Несмотря на древность здания – одного из старейших на Корхале, – его карнизы и крышу оснастили сложными системами наблюдения и прослушивания. Хотя зачем профессорам следить за студентами, оставалось для Арктура загадкой.

Прохрустев по гравию, «Терра-Кугуар» остановился у широкой каменной лестницы парадного входа в академию. Одетый в ливрею швейцар спустился по ступенькам и открыл заднюю дверь машины.

– Тебе пора, дорогой, – сказала Кэтрин Арктуру.

Тот кивнул и посмотрел на Дороти.

– Скоро увидимся, малышка! – попрощался он с сестрой. – Я напишу тебе кучу писем, и мамочка прочитает их тебе.

– Я умею читать, глупый, – Дороти надула губки. – Сама прочитаю.

– Ну разве не умница! – засмеялся Арктур.

Дороти бросилась к нему на шею и крепко обняла.

– Я буду скучать по тебе, Арктур!

Парень захлопал глазами от удивления. Обычно Дороти с трудом выговаривала его имя, коверкая звуки и называя его то «Актур», то «Арттур». Но сейчас она произнесла имя без ошибок.

Арктур освободился от объятий Дороти и передал сестру матери. Кэтрин тепло улыбнулась ему.

– Остался всего один семестр, дорогой, – сказала она Арктуру, – и затем все дороги в мир будут для тебя открыты. Я обещаю. Постарайся, если не ради себя, то ради меня. Хорошо?

Арктур глубоко вздохнул и кивнул. Он без угрызений совести мог обмануть надежды отца, но когда чувствовал, что подводит мать, это задевало его за живое.

– Все в порядке, – ответил Арктур. – Я закончу обучение.

– Лучше чтоб так и было, – проворчал Ангус. – Потому что я не хочу тебя видеть раньше твоего выпускного. Понятно?

Арктур не потрудился ответить. Он вышел из машины, слегка злорадствуя, заметив каким испепеляющим взглядом мать наградила отца.

Хотя утешение было слабым. На сердце все равно остался неприятный осадок.

Однако, как только он получит образование, то сможет отправиться куда угодно.

Куда-нибудь подальше от Ангуса Менгска. Так далеко, насколько это возможно.

Через три месяца обязательство торчать в академии утратит силу.

* * *

Директор Стигман недвусмысленно дал понять Арктуру, что он до сих пор студент лишь благодаря отцу, ибо Менгск-старший взял шефство над многими учебными заведениями. Арктур то и дело слышал в свой адрес предупреждения: что он ступил на тонкий лед, балансирует на лезвии ножа, ходит по краю пропасти и другие избитые фразы.

Занятия шли как обычно, если не считать дополнительного внимания к Арктуру со стороны персонала академии. В том, что и тут приложил руку отец, парень не сомневался. Из-за этого внимания он лишился возможности исчезать по вечерам в город, чтобы развеять невыносимую скуку. Арктуру казалось, что вся академия следит за его персоной, и что даже бывшие дружки-единомышленники предупреждены об опасности общения с ним.

Таким образом, в последний семестр большую часть свободного времени Менгск-младший провел в библиотеке академии, читая и перечитывая все медиакниги, какие только попадались под руку: о политике, о геологии, о психологии или о войне. Многие он практически выучил наизусть, но каждое перечитывание позволяло глубже проникнуть в смысл и суть произведения.

Арктур, как и обещал, писал письма Дороти. Получаемые ответы служили ему поддержкой и одной из немногих маленьких радостей. В этих письмах мама сообщала ему, как обстоят дела в мире за стенами академии. Арктур удивился откровенности, с которой она писала о бунтах в колониях и пограничных мирах. Их число неуклонно возрастало. Помимо этого мать рассказывала о последних сплетнях в обществе, однако тем, связанных с отцом, старалась не задевать. Но Арктуру не требовалось писем из дома, чтобы знать все о делах отца.

Передачи UNN изобиловали репортажами об его пламенных выступлениях, осуждающих коррупцию Старых Семей и Совета Тарсониса. Одновременно с этим Ангус публично осуждал нарастающую волну беспорядков и волнений на Корхале. Но, несмотря на это, Арктур знал, что за смертью сотен солдат Конфедерации – в результате взрывов и террористических нападений – стоит он, его отец. И это он подбрасывает уголь в топку.

Подходя к вопросу беспристрастно, Арктур действительно восхищался умением Ангуса демонстрировать непричастность к беспорядкам. В то же время сенатор тонко намекал, что беспорядки – это неизбежные последствия притеснений Конфедерации. Что, в свою очередь, способствовало росту симпатий к делу Соппротивления.

Поскольку Арктур находился в академии на положении изгоя, теперь ничто не мешало однокурсникам высказывать ему все, что они думают об Ангусе. Многие из них происходили из состоятельных семей, имеющих тесные связи с Конфедерацией, и не находили себе места из-за изобличающих выступлений Ангуса Менгска.

Хотя Арктур не хотел иметь ничего общего с политикой отца, у него хватало здравого смысла признать, что речи Ангуса наполнены глубоким смыслом. Тем не менее, устроенная сокурсниками травля лишь подогревала обиду на главу семьи Менгск.

Что позволяло Арктуру легче переживать горечь обид, так это предвкушение приятного времяпрепровождения в обществе Юлианы Пастер.

В тот день, когда Арктур приехал в академию, он получил от девушки письмо. В нем Юлиана деликатно поинтересовалась об его здоровье и о возможности встречи в один из дней,

когда ему разрешат выйти за пределы кампуса. С хирургической точностью Арктур вычислил скрытый смысл, заложенный в письме девушки, – за ширмой банальностей чувствовался неприкрытый интерес к его персоне.

Очевидно, чувство симпатии, возникшее между ними за то короткое время, что они провели в убежище, окрепло, несмотря на нынешнее «заточение» Арктура. Или, пожалуй, благодаря ему.

Арктур написал девушке ответ. Содержание письма пестрело описаниями недостатков однокурсников, глупости преподавателей и тягот тюремного заточения в стенах академии. Каждая фраза в письме была тщательно продумана, снабжена вкраплениями остроумия и эрудиции с достаточной долей самокритики, чтобы не допустить толкования его слов, как бахвальства. Ничего такого, что выставило бы его воображалой. То, что самокритика совершенно надуманная, не казалось Арктуру враньем. В любом случае, получаемые в ответ бурные письма служили лишь подтверждением того, что его писанина имеет успех.

В течение всего срока переписки Арктур все больше убеждался, что окончательно очаровал Юлиану. Он не мог не отметить контраста относительно их первой встречи в бункере. Как будто только сейчас Юлиана оценила его личные качества и уже присматривается к нему, как к потенциальному жениху.

Однако Арктур не забыл ее пьянящей красоты, и в его памяти девушка занимала особое место. Письма к ней стали для него отдушиной, возможностью поспорить или лишний раз поделиться грандиозными планами на будущее. С другой стороны, желание поддерживать дружеские отношения начало потихоньку угасать. Но Арктур продолжал переписываться с Юлианой, с надеждой, в конечном счете, затащить ее в постель.

Это станет финалом поставленной задачи. Когда-то она казалась невыполнимой, но, как выяснилось, оказалась достаточно простой.

* * *

Недели и месяцы проходили, как в тумане. Арктур слушал скучные лекции, без всяких усилий выполнял до неприличия простые задания. Конец всему этому забрезжил лишь за две недели до каникул, когда директор Стигман собрал выпускной курс в главном актовом зале центрального корпуса академии.

То была величественная палата с крестообразным сводом, облицованная панелями из кедрового дерева (на каждой – портрет известных бывших студентов в золоченой раме), с высоким потолком и дубовыми балками. Каждое утро Стигман приносил сюда подставку, устанавливал ее у трибуны, чтобы быть повыше, и обращался к старшим курсам с объявлениями по поводу спортивных достижений академии и с высосанными из пальца замечаниями. Иногда актовый зал использовался для проведения безупречных балов для учителей или для приема сановников, рассказывающих студентам о преимуществах гражданской службы, или об иных аналогично скучных вещах.

Студенты в одинаковой униформе с тоскою входили в зал, и Арктур на мгновение задумался, как и чем их сегодня «порадуют». Приблизившись к двери, он услышал из актового зала взволнованные голоса и понял, что внутри его ждет что-то непривычное и из ряда вон выходящее.

Арктур прошел в зал под арочным входом с девизом академии «αἰὲν ἀριστεύειν», что на одном из мертвых языков Старой Земли означало «всегда быть лучшим».

Огромное пространство перед сценой было заполнено множеством неудобных стульев, на которых сидели взволнованные студенты. Директор Стигман стоял за кафедрой, по-видимому, очень довольный собой. Внимание Арктура привлекли три громадные фигуры, стоящие по стойке «смирно» позади директора.

Они возвышались над Стигманом чуть ли не на метр с лишним, словно аршин проглотили, и выглядели просто огромными из-за тяжелой брони из неостали.

Благодаря прочитанной в библиотеке технической литературе, Арктур узнал тип брони.

Это были боевые бронескафандры МПК-300 – новейшая модель, приходящая на смену серии МПК-200.

Боевые бронескафандры...

Какие носят солдаты Корпуса морской пехоты Конфедерации.

Глава 4

Директор Стигман не стал тратить времени даром и поспешил начать. Как только все старшекласники уселись, он уперся в кафедру руками и наклонился вперед. Арктур знал, что директор считает эту позу авторитетной. На самом деле, подобная поза только подчеркивала невысокий рост Стигмана, но кроме Арктура никто либо не замечал этого, либо никто не спешил намеркнуть об этом директору.

– Нам, вне всяких сомнений, повезло, – таким гнусавым голосом, что Арктура аж поколебало, обратился к студентам Стигман, – принимать у себя представителей бравого Корпуса морской пехоты Конфедерации, которые пришли пообщаться с вами. Их визит для нас великая честь, и я уверен, что вы горячо их поприветствуете, как положено в Стирлингской академии.

Безусловно, последнее замечание было приказом, и юнцы с энтузиазмом принялись аплодировать. Под гром аплодисментов Стигман покинул кафедру, а один из солдат вышел вперед и, прогрохотав тяжелой поступью по деревянному полу сцены, занял место директора.

Остановившись за кафедрой, морпех снял шлем.

Тут-то и выяснилось, что на самом деле он – *она*!

И удивительно хорошенькая она!

Женщина-морпех положила шлем на кафедру и улыбнулась юношам, которые теперь вполне предсказуемо проявляли куда больший интерес к утренней беседе. За спинами бойцов поднялся занавес, открывая большой экран с проекцией красно-голубого флага Конфедерации, энергично развевающегося на ветру на фоне золотого заката. Видеоряд сопровождался энергичной музыкой, идущей из акустической системы актового зала.

– Доброе утро. Разрешите представиться – Ангелина Эмилиан, – поздоровалась девушка. – Я капитан Тридцать третьей наземной штурмовой дивизии армии Конфедерации, и сегодня пришла сюда по просьбе вашего директора, чтобы провести беседу по поводу карьеры в Корпусе морской пехоты Конфедерации.

Капитан Эмилиан подошла к краю сцены и уперлась руками в бедра.

– Знаю, о чем вы подумали.

По залу пробежал нервный смешок, намекающий на то, что Эмилиан лучше не знать, о чем в тот момент подумало большинство парней.

– Вы подумали: «Какого-такого пресвятого черта я захочу вступить в ряды армии?». Верно? Тем более, как выпускники академии, вы, вне всяких сомнений, ожидаете получить приятную и хорошо оплачиваемую работу. Кроме того, армия – это ведь опасно. Вас могут убить. Ведь наш корпус – для неудачников, у которых нет других вариантов.

Арктур увидел, как округлились от удивления глаза директора Стигмана. Очевидно, презентация капитана Эмилиан началась совсем не так, как он себе представлял, и только по этой причине отношение Арктура к симпатичному капитану слегка потеплело.

– Ну, если вы так думаете, у меня есть для вас одна новость, ребятки. Вы глубоко заблуждаетесь, – капитан Эмилиан окинула пристальным взглядом актовый зал.

Уверенность и суровое поведение девушки привлекли всеобщее внимание.

– В основе Корпуса морской пехоты Конфедерации лежат три принципа, – сказала Эмилиан, ударяя кулаком в ладонь, чтобы выделить каждый. – Сила. Честь. Дисциплина. Эти идеалы предоставили возможность армии и Колониальному флоту защищать интересы Конфедерации на окраинах галактики в течение полутора столетий. Сейчас вы думаете, что морпехи – это сплошь ресоциализированные дуболомы? Так вот я здесь для того, чтобы уведомить вас – это не так. Морпехами становятся люди из всех слоев населения, всех уровней общества, и всех их объединяет одно – преданное служение во благо сохранения нашего образа жизни.

Эмилиан говорила, а на экране появлялись смеющиеся солдаты, спускающиеся на веревках по отвесным скалам берега моря, играющие в пэдбол или катающиеся на лыжах по заснеженным горным склонам. Арктуру казалось, что раз они так классно проводят время, то просто удивительно, как они успевают еще и служить.

– Наша армия предлагает бесчисленное множество возможностей для молодых мужчин и женщин увидеть сектор Копрулу и получить *бесценный жизненный опыт*. Мы будем вас тренировать. Мы будем вас обучать. Мы превратим вас в эффективных воинов, которых уважают и которыми восхищаются ваши сверстники. Во время службы вы можете выбирать, где и что вы будете учить. Служба пролетит в одно мгновение. Но за этот срок вы обретете такую силу характера, какую вам больше нигде в себе не воспитать.

В этот момент на экране появились проходящие полосу препятствий бойцы – мужчины и женщины с рельефными мышцами и привлекательной внешностью кинозвезд. И снова они были веселы, несмотря на суровость физических упражнений. Арктур не без удовольствия отметил, что тот, кто снял рекламный ролик, бесспорно, любит визуальные преувеличения.

– В нашем корпусе чтят и блюдут традиции, а попадающих к нам новобранцев ждут многочисленные привилегии. Оплата и условия несения службы постоянно улучшаются, и только примерно пятидесяти процентам рекрутов доводится увидеть настоящее сражение. Впрочем, вооруженный и экипированный по последним технологиям морпех может не опасаться людей, которые хотят нарваться на драку. И не забывайте, что ваша служба фиксируется в личном деле. В сочетании с репутацией этого замечательного учреждения у вас будет ключ от любой желаемой двери, как только вы закончите службу. Жизнь в Корпусе, это жизнь без границ, жизнь во благо Конфедерации и всех проживающих в ней. Вы можете стать частью этого, ребята. Вы можете внести свой вклад. Вы можете полностью проявить себя и стать, кем хотите.

К собственному удивлению Арктур почувствовал, как наполняющая зал атмосфера энтузиазма охватывает и его. Сочетание бесконечно повторяющихся изображений красивых зрелых солдат с безупречной подачей информации, приправленной харизмой Эмилиан, дало нужный эффект. Поразмыслив, юноша пришел к выводу, что армейская жизнь, может быть, не такой уж и плохой вариант.

Капитан Эмилиан отошла немного назад и отдала воинское приветствие присутствующим юношам. Два морпеха за ее спиной повторили жест. Последовали оглушительные аплодисменты, и Арктур вдруг осознал, что стоит на ногах, как и все остальные, для того чтобы искупать капитана Эмилиан в овациях.

Девушка улыбнулась и, повернувшись, наклонилась, чтобы пожать руку директору Стигману. Арктуру захотелось рассмеяться от увиденной картины – так нелепо и незначительно выглядел тщедушный человек рядом с морпехом в боевом бронекафандре.

Стигман вернулся к кафедре и поднял руки, прося тишины, но аплодисменты и свист не смолкали еще несколько минут. Когда разгоряченные юноши, наконец, опустили на свои места, директор сказал:

– Спасибо за столь вдохновляющие слова, капитан Эмилиан. Я уверен, что вы дали нашим старшеклассникам обильную пищу для размышлений.

Среди присутствующих снова послышались сдавленные смешки.

– А сейчас, – продолжил Стигман, не обращая внимания на произведенный его словами эффект, – я хочу, чтобы вы уделите немного времени изучению литературы, любезно предоставленной нам Корпусом морской пехоты Конфедерации. Занятия возобновятся через час, поэтому у вас будет достаточно времени ознакомиться со всеми буклетами, которые вас интересуют, и поговорить с сержантами-вербовщиками.

Арктур проследил за взглядом Стигмана и увидел, что вдоль стены актового зала стоят столы с разложенными на них брошюрами и книгами. До этого он их не заметил, всецело увле-

ченный капитаном Эмилиан и ее шоу-пропагандой. Высокие симпатичные солдаты, как мужчины, так и женщины, в безукоризненно отглаженных мундирах темно-синего цвета с поблескивающими нашивками, стояли за каждым столом, заложив руки за спины.

– Разойдись! – скомандовал директор Стигман, после чего в зале воцарилась суета, так как юноши повскакивали с мест и с нетерпением бросились к столам.

Арктур последовал за толпой. Ему тоже стало любопытно взглянуть на то, что же там предлагают.

* * *

– Постой спокойно, пожалуйста, – сказала Кэтрин Менгск, закрепляя бронзовой застёжкой красную тогу на плече мужа. – И так тяжело, да еще ты дергаешься все время.

– От этой штуки начинает чертовски болеть шея, – сказал Ангус. – Напомни-ка, почему я должен это носить?

– Традиция, – ответила жена.

– Традиция... – фыркнул Ангус, словно произнес самое мерзкое слово, которое знал.

– Дорогой, ну ты же не можешь произнести речь на закрытии сессии в Сенате в повседневном костюме.

– Ладно, – согласился Ангус. – Но почему я должен надевать это *сейчас*? До выступления целых два месяца!

Эктон Фелд еле сдерживал смех, слушая жалобы и ворчание Ангуса, в то время как Кэтрин поворачивала мужа так и сяк, переделывая покрой и фасон церемониальных мантий сенатора Корхала. Облечение было тяжелым и неудобным, но правительственный аппарат Корхала имел старинный обычай проведения церемонии с максимальной помпезностью.

– Потому что, дорогой, – терпеливо сказала Кэтрин, – тут требуется некоторая корректировка. С тех пор, как ты надевал ее в последний раз, прошло несколько лет, и ты уже не такой стройный, как раньше.

– То есть ты хочешь сказать, что я толстый, – сказал Ангус.

– Вовсе нет, – с улыбкой ответила Кэтрин. – Просто более государственный.

Ангуса слова супруги не слишком убедили. Поймав пристальный взгляд шефа, Эктон Фелд поднялся со стула и направился к балконному окну «Небесного шпиля», чтобы скрыть факт того, что он осмелился подсмеиваться над неудобным положением сенатора.

У окна Фелд поправил кобуру под пиджаком, вздрагивая при каждом движении плеча, из которого доктора извлекли шесть шипов. Сказали, что ему повезло остаться в живых – сантиметров пять-десять в сторону, и он получил бы дырявое легкое. Месяцы мучительных пересадок кожи и операций по восстановлению кости предоставили ему массу возможностей проклинать эту удачу – когда переставали действовать обезболивающие, он оставался один на один с невыносимой болью, которую не мог заглушить даже виски.

Кэтрин все суетилась вокруг Ангуса, и Фелд оставил их наедине, активировав силовое поле, защищающее балкон и верхнюю наружную часть здания. Энергетический щит влетел в кругленькую сумму и не только защищал балкон от артиллерийских снарядов, энергетического оружия и электронного наблюдения, но и спасал от завывающего вокруг конструкций ветра.

Начальник службы безопасности подошел к металлическому, ручнойковки ограждению по краю балкона. Осторожно облокотившись, мужчина подался чуть вперед, чтобы полюбоваться открывающимся сверху видом.

Насколько хватало взгляда, вид везде был отличный.

Последний балкон башни Менгск располагался на сто шестидесятом этаже здания, около восьмисот метров над уровнем улицы. На севере возвышались горы, напоминающие крепост-

ной вал гигантского замка. К югу пейзаж постепенно становился все зеленее и зеленее, пока не обрывался у лазурной линии океана.

В такой ясный день далекая береговая линия четко просматривалась, а при помощи установленного на краю балкона биноскопа можно было разглядеть белый прямоугольник летней виллы.

Стирлинг раскинулся перед Фелдом серебряной сетью с устремленными ввысь башнями, возвышающимися по обеим сторонам «Небесного шпиля», как сталагмиты из стали и стекла. Отсюда просматривался масштаб и жизнь города, и эта громадная агломерация, построенная в течение такого короткого периода времени, была доказательством мастерства и самоотдачи людей Корхала.

Более всего впечатляло то, что такие прекрасные результаты были достигнуты в условиях безудержного упадка Конфедерации в целом. Фелд любил Стирлинг: отсюда он мог видеть зеленый лоскут Марсового поля – места, где Корхал однажды признали членом коалиции миров Конфедерации. Тот давно минувший день сулил многообещающие перспективы, но сейчас, когда Марсово поле превратилось в тренировочный плац солдат Конфедерации, оно стало горьким напоминанием того, как все изменилось в худшую сторону.

Как раз напротив Марсового поля находился Палатинский форум, дом Сената Корхала. Его бронзовая крыша светилась, как сигнальный маяк, мерцая на солнце, словно кипящее золото.

– Воодушевляет, да? – сказал Ангус, неожиданно появившись рядом с Фелдом. – Живой пример того, к чему нужно стремиться.

Ангус Менгск, когда хотел, мог двигаться удивительно бесшумно для достаточно тучного человека. Фелд не услышал, как он подошел.

– Да, вид стоящий, – согласился Фелд.

– Жемчужина в короне Конфедерации, как они называют нашу планету.

– Так и есть. А теперь ты хочешь умыкнуть эту жемчужину?

– Прямо у них из-под носа, – улыбаясь, сказал Ангус. – Эта жемчужина им не принадлежит. Больше не принадлежит.

– И что будем с ней делать, если победим? – спросил Фелд.

– Если победим? – спросил Ангус. – Ты думаешь, что мы не сможем одержать победу над конфедератами?

– Меня это мало волнует, – сказал Фелд, выпрямившись и расправив плечи. – Я просто хочу ударить по ним, как следует.

– Ну, без этого точно не обойдется, друг мой. Даже не сомневайся, – пообещал Ангус.

– Ты действительно думаешь, что мы одолеем их?

– Конечно, одолеем, – подтвердил Ангус, кивая. – Я не занимался бы всем этим, если бы не верил в плачевный для них исход. Может быть, мы не успеем этого увидеть, но то, что мы сейчас затеяли, станет основой чего-то исключительного. Даже лавина начинается с падения одного камешка.

– Это верно, – признал Фелд.

– Сфера влияния Конфедерации растет, – продолжил Ангус, распаляясь все больше, что происходило с ним всегда, когда в разговорах задевалась тема столь ненавистной им коррупции, – но люди, способные как-то влиять на это, до сих пор не осознают, что верхушка этой власти – злокачественная опухоль.

– Почему ты думаешь, что дела обстоят именно так? Неужели все настолько очевидно?

– Ну конечно, очевидно. Только вот осознание проблемы принуждает брать на себя моральное обязательство что-то с этим делать, что-то предпринимать. – Ангус поморщился. – Однако слишком многие совершенно не желают во что-то влезать.

– Но не ты?

– Согласен, Старые Семьи и Совет могут поставить меня в затруднительное положение, но все дела Менгсков вполне автономны. Нам принадлежат все процессы на моих предприятиях, начиная от заводов хOVERкаров и заканчивая производственными линиями рекламного искусственного интеллекта. У них нет лазеек, чтобы нас прижать.

– Легальных лазеек.

– Не сомневаюсь, что конфедераты потратят деньги на любое количество пиратских шаяк или наемных группировок, чтобы доставить нам неприятности по всему сектору, но мы уже зашли слишком далеко, чтобы сдаваться. Очень скоро мы сможем организовать кое-что помасштабнее, чем закладка бомбы или засада на отряд солдат. Скоро мы сможем объявить настоящую войну.

Фелд услышал в голосе Ангуса нескрываемое наслаждение и подумал о том, действительно ли сенатор понимает, что поставлено на карту в борьбе с ужасающим могуществом Конфедерации. Уже понесены человеческие потери, а войска Конфедерации действуют все решительнее по всему Корхалу.

Ранние утренние рейды к тем, кого конфедераты подозревали в террористической деятельности, стали обычным делом. Недавно сформированное движение Сопrotивления сохраняло живучесть только благодаря тому, что Фелд настоял на средствах защиты от утечки информации и изоляции друг от друга активных ячеек.

Пока еще Корхал не находился на военном положении, но вряд ли Конфедерации потребуется много времени для форсирования событий.

– Чтобы научиться бегать, научись сперва ходить, – предостерег Фелд. – Если мы будем торопить события, то рискуем лишиться всего.

– Ты прав, конечно, – согласился Ангус. – Но близится время, когда чаша весов склонится на нашу сторону, и если мы не начнем действовать к этому моменту, то упустим его. Этот момент наступит уже скоро, Эктон. Оружие и технологии Умоджи делают нас сильнее с каждым днем. Наши люди практически так же хорошо экипированы, как и армия Конфедерации.

«Это действительно так», – подумал Фелд. Каждый день с Умоджи прибывали поставки «промышленных деталей», которые проходили через ряд фиктивных корпораций и по обходным торговым маршрутам. Промаркированные как безопасные, сопровождаемые всеми положенными документами, грузовые контейнеры были набиты оружием, боеприпасами, взрывчаткой, скафандрами и гаджетами. Всем тем, что позволит борцам за свободу Корхала посеять хаос среди конфедератов, – если будет на то воля Ангуса Менгска.

– Никогда не думал, что Айлин Пастер отважится нам помочь.

– Айлин хороший человек. Не надо его недооценивать, – сказал Ангус. – Уверен, что он нам помогает, преследуя выгоду Умоджи, а не нашу личную. Но я принимаю любую помощь.

– Он все еще намерен вернуться на Корхал к твоему выступлению на закрытии сессии в Сенате?

– Конечно. Они с Юлианой возвращаются сюда в конце недели.

– И дочь его будет? – не скрывая раздражения, спросил Фелд. – В задачах службы безопасности это не учитывалось. Могут быть осложнения. Почему мне не сообщили?

– Я узнал об этом сегодня утром, – безразличным тоном произнес Ангус. – Скорее всего, это мой сын пригласил дочь Айлина сопровождать его на выпускном балу. И, как ни прискорбно, она согласилась.

Фелд отвернулся, проклиная Арктура за добавление лишней работы и так перегруженной службе безопасности. Помимо мероприятий, обеспечивающих сверхбезопасность, организованных им после нападения на летнюю виллу, Фелд закрепил отдельного человека за каждым членом семьи Менгск.

Кэтрин было относительно легко защитить, так как она постоянно находилась с Ангусом, а Дороти сопровождали по дороге в дошкольную группу и обратно. Но Арктур, похоже, только

рад усложнить жизнь Фелду и тут же нашел очередной способ испытать терпение начальника службы безопасности.

– Отлично, – вздохнул Фелд. – Еще одна проблема, без которой я вполне мог обойтись. Как будто ты недостаточно все усложняешь.

– Знаю, что ты собираешь сказать, Эктон, и ответ по-прежнему «нет».

Фелд знал, что спорить с Ангусом безнадежно, но это его не остановило.

– Послушай, – сказал он. – Тебе необходима усиленная охрана по дороге в Форум. Ты слишком уязвим, и если не позволишь мне увеличить количество телохранителей, я не смогу гарантировать твою безопасность.

– Я уже говорил, – сказал Ангус таким тоном, словно ему надоело уже это повторять, – я не пойду в Сенат в окружении вооруженных солдат. Я не могу выглядеть, как путешествующий военный вождь. На нынешний момент я должен олицетворять мир.

– Но...

– Никаких «но», – отрезал Ангус. – Закроем эту тему. Я и так согласился раскошелиться на дорожное индивидуальное силовое поле, которое меня не очень устраивает. Солдаты меня окружать *не будут*. Форум – место демократии и дебатов. Леннокс Крейвен назовет меня тираном или узурпатором, если я войду туда с вооруженными людьми за спиной.

– Это твои похороны, – сказал Фелд. – Я просто говорю, что думаю. О, а ты знаешь, что я мог устроиться на непыльную высокооплачиваемую работенку на Бронтсе? Следил бы там за богатенькими детьми.

– Так что ж не устроился?

Фелд вздохнул.

– Черт, я бы там со скуки сдох, и ты это знаешь.

– Ты человек действия, – согласился Ангус. – И ты мой друг. Для меня много значит то, что ты волнуешься о моей безопасности.

– Просто не забывай, что силовое поле сможет защищать лишь несколько минут. Думаю, этого хватит, чтобы успеть доставить тебя внутрь Форума.

– Да, ты говорил мне об этом уже тысячу раз.

С грустной улыбкой Фелд покачал головой:

– Мне же выплатят положенное, если ты умрешь?

– Честное слово, Фелд, ты еще хуже моей матери!

– Она была здравомыслящей женщиной, твоя мать, – сказал Фелд.

– Да брось, Фелд, не о чем волноваться, – сказал Ангус. – Ты просто гоняешься за призраками и ничего более.

Начальник службы безопасности ничего не ответил.

* * *

Толпа перед столами рассеялась, и Арктур взял одну из брошюр. Анимированное изображение флага Конфедерации колыхалось под словами: «Корпус морской пехоты Конфедерации – дом для героев».

Двое морпехов, до этого неподвижно стоявшие за спиной капитана Эмилиан, теперь расхаживали по актовому залу. Они демонстрировали студентам бронескафандры и давали подержать в руках винтовки Гаусса AGR-14.

Арктур отложил брошюру в сторону, когда один из сержантов-вербовщиков появился у стола. Парень почувствовал дух военщины, исходящий от униформы человека, и сладкий, слегка дурманивший аромат ружейной смазки. Лицо солдата было открытым и серьезным, но полностью лишено какой-либо индивидуальности.

– Подумываешь о вступлении, сынок? – спросил этот человек.

– Может быть, – сказал Арктур. – Еще не решил.

– Это почетная профессия, сынок, – сказал морпех.

Арктур заметил у него под отогнувшимся воротником формы предательский рубец шрама от ресоциализации.

– А когда вы поступили на службу? – спросил он.

– Шесть лет назад, и никогда не жалел об этом, – машинально ответил солдат, и Арктур уловил оттенок заученности в его словах. – И могу сказать тебе, сынок, что это лучшее решение в моей жизни. Я изъездил весь сектор Копрулу, увидел всевозможные типы миров и встретил множество интересных людей.

– И убили их? – ехидно закончил за него Арктур.

– Давай сейчас не будем об этом, – предложил мужчина. – Как тебя зовут, сынок?

– Арктур Менгск.

– Приятно познакомиться, Арктур. Тебе нужно обдумать все возможности, которые наши войска могут тебе дать: путешествия, самоуважение, почести, дисциплину...

– Так вам приходилось? – прервал Арктур солдата. – Я имею в виду, убивать кого-нибудь.

– Послушай, Арктур, – сказал сержант, – морпехам иногда приходится убивать людей, но только тех, кто этого заслуживает. Когда плохие парни пытаются убить меня или моих друзей, они не оставляют мне выбора. А когда кто-то наставляет на тебя ствол, тебе остается только одно, разве нет?

– Полагаю, это зависит от того, *почему* он наставляет на тебя ствол, – сказал Арктур.

– Нарушаешь порядок, а Менгск? – раздался голос позади Артура, и юноша сразу узнал надменный тон директора Стигмана.

– Вовсе нет, сэр, – ответил Арктур, поворачиваясь на каблуках. – Просто пытаюсь узнать, что меня может ожидать.

– Ограничения военной службы пойдут тебе только на пользу, Менгск, – сказал Стигман. – Выбьют из тебя всю наглость. Чуток воинских порядков дисциплинирует тебя очень быстро.

– Не думал, что меня нужно дисциплинировать, сэр.

Стигман нагнулся поближе, и Арктур еле сдержался, чтобы не закашляться от сильного, неприятного запаха крема после бритья.

– Я хорошо знаю таких, как ты, Менгск, – прошипел Стигман. – Будь моя воля, я бы всех вас отправил на службу. Именно военная подготовка превращает мальчика в мужчину.

Директор не успел развить тему, так как на него упала чья-то тень. Арктур поднял глаза и увидел Ангелину Эмилиан. Вблизи она впечатляла еще больше – огромный бронескафандр делал ее почти на метр выше Артура, который, в свою очередь, сам был достаточно высок. А уж над Стигманом девушка и вовсе возвышалась, словно башня.

– А вы в какой части служили, директор Стигман? – поинтересовалась она.

– Прошу прощения?

Капитан Эмилиан приятно улыбнулась, обнажая идеальные зубы в идеальной улыбке.

– Я просто спросила, в какой части вы служили. Срочную службу, в каких войсках?

– Я... эм... не служил, – замялся Стигман. – То есть, как бы это сказать... я не мог.

Арктур прикусил губу, чтобы не рассмеяться над неудобным положением Стигмана, и старался не отрывать взгляд от пола. Когда он поднял глаза, то увидел уставившегося на него директора с пылающим от смущения лицом.

– Могу я поговорить с господином Менгском наедине? – спросила Эмилиан. Стигман резко кивнул и едва ли не бросился прочь от капитана.

– Кажется, я вас люблю, – сказал Арктур, широко улыбаясь.

– Не вы первый, – ответила капитан Эмилиан.

Арктур проследил за удаляющимся директором Стигманом и сказал:

- Он утверждал, что служил, но я всегда подозревал, что он лжет.
- Честно говоря, он подавал заявление на вступление в Колониальный флот, но провалил вступительные экзамены и не смог пройти медосмотр. Но между нами скажу, что медосмотр для флота – плевое дело.
- Спасибо, что избавили меня от его общества, капитан, – сказал Арктур.
- Мистер Менгск? – позвала Эмилиан, когда он уже повернулся, чтобы уйти.
- Да?
- Я спасла вас от внимания директора не по доброте душевной. Я действительно хочу с вами поговорить.
- Да? Ну, говорите, – сказал Арктур, довольный тем, что капитан выделила его среди остальных. Он видел, как сокурсники с завистью следят за ним, и наслаждался уделяемым ему вниманием.
- Спасибо, сержант Девлин, – обратилась Эмилиан к солдату-вербовщику, все еще стоявшему по стойке «смирно» за спиной Арктура. – На этом всё.
- Есть, мэм, – козырнул сержант.
- Тут капитан Эмилиан быстрыми шагами начала удаляться, заложив руки за спину, и Арктуру пришлось быстренько ее догонять.
- А у вас все вербовщики ресоциализированные? – спросил он.
- Когда как, – ответила Эмилиан. – Они, конечно, не прирожденные ораторы, но зато отлично справляются с ответами на вопросы студентов.
- И что же он сделал? – спросил Арктур. – Сержант Девлин, что он сделал?
- Я не знаю, – ответила Эмилиан. – Эти архивы недоступны. Раз уж ты морпех, ресоциализированный или нет, твое прошлое не имеет никакого значения. Ты морпех – просто и ясно.
- Настоящий эгалитаризм, но думаю, это не совсем так.
- Да, не совсем. Но неужели лучше знать, что он зарезал всю свою семью разделочным ножом, и мириться с этим? Или, может, ему доставляло удовольствие приставать к маленьким мальчикам в парке?
- Я понял вас, – сказал Арктур, оглядываясь на доброжелательное лицо сержанта Девлина и представляя, как оно искажается от ярости, а в руке мужчины возникает окровавленный нож.
- Избранные, гордые, психически неуравновешенные... – протянул Арктур.
- Ты пытаешься смеяться над нами, но ничего не выйдет, Арктур, – сказала Эмилиан, улыбаясь.
- А почему нет?
- Потому что я уже знаю, что ты подумываешь над тем, чтобы вступить в наши ряды.
- Я? – спросил Арктур. – Как вы можете это знать?
- Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь. Я видела результаты твоих тестов и читала твою психологическую характеристику. Знаю, что ты обладаешь сильными лидерскими качествами и уверен в себе, благодаря чему люди хотят следовать за тобой. Знаю о твоей проблеме с авторитетными людьми, которых ты считаешь ниже себя, и что твой IQ достигает уровня гения.
- Эти файлы закрыты для посторонних, – сказал Арктур, раздраженный больше ее совершенно верной оценкой его личности, нежели вторжением в личную жизнь. Ему не нравилось, когда кто-то мог прочесть его, как открытую книгу.
- Да, закрыты, но директор Стигман предоставил нам информацию о выпускниках перед нашим сегодняшним визитом. Так гораздо легче подобрать подходящих кандидатов.
- Разве это не противоречит закону?
- Несомненно, противоречит.
- Арктур удивился такому легкому признанию Эмилиан и улыбнулся, поняв, почему она себе это позволила.

– Вы хотите, чтоб я чувствовал себя раскованней из-за разделенного с вами секрета, – сказал он. – Если вы просчитали мой психологический профиль, то думаете, что я буду доверять вам больше, если увижу, что вы со мной откровенны и импонируете моим бунтарским задаткам.

Капитан Эмилиан кивнула.

– Очень хорошо. Ну и как, работает?

– Немного, – согласился Арктур, наслаждаясь обоюдными откровениями с привлекательной воительницей.

– Так скажи мне, Арктур, – обратилась к нему Эмилиан, наклоняясь над одним из столов, взяв целую кипу разных буклетов, – чем ты хочешь заняться после окончания академии?

– Я подумывал над тем, чтобы стать геологоразведчиком, путешествовать по пограничным мирам и исследовать окраины космоса. Есть такие планеты, на которые не ступала нога даже конфедератов. Я хочу оставить свой след в истории – дать имя планете, открыть что-то невиданное. Вы знаете, обычные...

– Геологоразведчик, – ввернула Эмилиан, – очень почетная профессия. А ты знаешь, что армия может помочь тебе?

– Правда? Как?

– Большинство наших «экскурсий» проходят в удаленных мирах. Мы все время сотрудничаем с шахтерами. Тебе будет предоставлена возможность почерпнуть реальный опыт непосредственно в шахтах, от горняков и тому подобных. Не говоря уже об обучении в свободное время. Технические средства для дополнительного образования на наших судах не имеют себе равных, все оборудование с самыми лучшими нейроинтерфейсами и мнеморепетиторами. Ты сможешь овладеть совершенно любыми навыками во время сна.

– Звучит заманчиво, – сказал Арктур, удивленный тому, что действительно считает это интригующим.

– Вне корпуса добиться чего-либо гораздо сложнее, – сказала Эмилиан, подавая юноше рекламные проспекты. – С такими результатами тестов ты спокойно сможешь выучиться на офицера. А как только окончишь срочную службу, будешь волен ехать, куда хочешь. Знания, полученные в армии, можно применить и на гражданке.

– Хм... моя «срочная служба»... – сказал Арктур. – Как долго она будет длиться?

– Сроки у нас в морской пехоте довольно гибкие, – учтиво ответила Эмилиан. – Все зависит от твоего положения и текущего уровня угрозы, установленного Верховным командованием.

– И каков текущий уровень угрозы?

Эмилиан улыбнулась.

– Низкий, – сказала она.

Глава 5

День вручения дипломов. Арктур чувствовал, что нервничает от душевного волнения и мысли, что, наконец, вырвется из заточения Стирлингской академии. После встречи с представителями Корпуса морской пехоты он все больше и больше задумывался над тем, чтобы стать одним из них. Он даже заполнил электронный заявочный бланк, правда, пока не подтвердил.

Ему нравилась мысль о том, что можно будет обучиться профессии геологоразведчика за счет Конфедерации. Равно как и о том, насколько это взбесит отца. Учитывая, что текущий уровень угрозы в секторе Копрулу низок, ему, скорее всего, придется отслужить лишь минимальный срок – три года, – после чего он получит право выйти в отставку и начать старательскую карьеру.

Да, идея имела свои преимущества. Но в глубине души Арктур не мог избавиться от мысли, что, в конце концов, это все-таки опасно для жизни. А он не любил подвергать себя физической угрозе.

Но разве не для того и существуют морпехи, чтобы оберегать людей от опасности?

Юноша выбросил из головы мысли об армии и сосредоточился на дне грядущем. Сегодня и без того хватало забот.

Стирлингская академия купалась в солнечном свете, серый гранит сверкал как мрамор и придавал зданию налет новизны. На газоне, прямо перед главным портиком, рабочие соорудили обширную сцену и выставили напротив несколько рядов стульев.

Сто пятьдесят шесть старшеклассников (в полном составе, ибо заведения подобного статуса, как Стирлингская академия, не позволяли своим студентам таких ошибок, как провал экзамена) заняли свои места. Все выпускники были в длинных черных мантиях, отороченных бледно-голубым шелком, и в четырехугольных академических шапочках.

Трибуны для простых зрителей установили по обе стороны сидений в центре лужайки. Оттуда гордые родители смогут увидеть, как их отпрыски наконец-то завершат обучение в академии. Позади кафедры, с которой директор Стигман выдавал столь желанные свитки дипломов с золотым тиснением, сидели преподаватели и магистры. Компанию им составляли выдающиеся выпускники академии. Тут были и генеральные директора крупных корпораций, и знаменитые ученые, меценаты, офицеры высшего звена армии Конфедерации и даже начальник полиции Стирлинга.

Директор Стирлингской академии был облачен в парадную черно-желтую мантию с ярко-красной ризой. В высокой конусообразной шляпе с кокардой он напоминал солдафона. Арктур несколько не сомневался, что под мантией скрываются ботинки на высокой платформе.

Под бравые мелодии школьного оркестра студенты один за другим подходили к сцене и получали свои дипломы из рук Стигмана под громкие аплодисменты родителей и отрывистые рукоплескания тех, чьи дочери и сыновья уже получили дипломы или вот-вот получат.

Так как фамилия Арктура начиналась на букву «М», его имя находилось в середине списка, зачитываемого префектом младших курсов, и он с нетерпением ждал своей очереди выйти к помосту. Арктур взглянул на трибуны с гостями и улыбнулся, увидев, с какой гордостью наблюдает за ним семья.

Дороти заметила взгляд брата и восторженно замахала руками. Мама махнула более сдержанно, и даже отец одарил его кивком, полным гордости и признательности.

Рядом с отцом сидел Айлин Пастер с Юлианой. Со дня нападения на летнюю виллу Арктур увидел девушку впервые. Его снова поразила эта красота. Будучи далеко, она была просто девушкой, «подружкой по переписке», о которой Арктур практически не вспоминал в другое время. Но сейчас, при виде Юлианы здесь, вживую, в нем проснулось то неудержимое чувство, что возникло при их первой встрече.

Сидящий рядом с ним студент, пустоголовый болван по имени Тоби Меркурио, проследил за его взглядом и гоготнул:

– Кто эта цыпа, Менгск? Сладенький пирожок!

Меркурио принадлежал к одной из стирлинговских семей-нуворишей. Он не знал, что такое культурные манеры, и общался с людьми на сленге трущоб Тарсониса. Несмотря на это, Арктур не мог не согласиться с его умозаключением.

– Да, – согласился Арктур в предвкушении выпускного бала. – Сладенькая – это как раз про нее.

– Ты почапашь с ней вечером на бал?

– Да, Тоби, именно так.

Арктур перестал слушать бессмысленные шуточки Меркурио и сосредоточился на именах, которые называл префект. Он улыбнулся, когда начали вызывать студентов на «К».

«Уже недолго...»

Студентов на «К» оказалось не так уж и много, и сердце Арктура забилося чаще, когда назвали его имя. Он поднялся, бросил взгляд через плечо на свою семью и шагнул в проход между рядами. Аплодисменты звучали несколько вяло, но Арктур знал, что скоро все изменится.

С высоко поднятой головой он шел к сцене, направляясь к ступеням сбоку. Школьный фотограф щелкнул затвором, и Арктур поднял глаза туда, откуда, как он знал, мать с отцом будут снимать знаменательное событие на голокамеру.

Юноша улыбнулся фотографу, затем поднялся по ступеням и вразвалочку подошел к обложенному золочеными трубочками дипломов директору. Арктур одарил Стигмана самой заискивающей улыбкой и протянул руку для получения диплома.

По традиции, директор поздравлял выпускающегося студента и желал ему успехов в будущих начинаниях, но Арктур не обольщался на свой счет подобным жестом со стороны Стигмана. И, надо сказать, не был разочарован.

– Ты плохо кончишь, Менгск, – сказал Стигман, протягивая свиток. – Я всегда это говорю плохим студентам, а ты худший из многих.

Арктур взял заслуженный диплом в левую руку, а правую протянул Стигману. Директора передернуло, но, не желая выглядеть невежливым перед родителями и бывшими студентами, он все-таки ответил на рукопожатие.

– Спасибо, – сказал Арктур. – Надеюсь, вам понравится ваша новая резиденция.

На лице Стигмана отразилось смятение, но он быстро совладал с собой и дал знак юноше покинуть сцену. Арктур быстро обошел по кругу сидящих студентов, подняв диплом и улыбаясь, чтобы видели мама и папа.

Юлиана встала, хлопая и глядя на него с восторженным обожанием, и Арктур подарил ей улыбку. Юноша вернулся на свое место и быстренько выудил из кармана консоль удаленного доступа.

Устройство было немногим серьезнее, чем обычный коммуникатор с оптическим считывателем. Тем не менее, оно имело интерфейс, позволяющий удаленно подключаться к компьютерным сетям. При условии наличия ключа подключения и кодов авторизации, практически в любую сеть можно было проникнуть без особых проблем.

Арктур быстро ввел коды консоли Стигмана. Юноша запомнил их еще тогда, когда его вызывали к директору в кабинет. Арктур увидел их в зеркале за столом этого мелкого идиота.

Несколько секунд на экране мелькали цифры и буквы, пока не появился квадратик и под ним текст:

«Требуется подтверждение ДНК».

Арктур приложил палец к оптическому считывателю. Экран вспыхнул зеленым цветом.

«Личность подтверждена: Айзек Стигман».

Арктур положил консоль на колени и снял с правой руки тоненькое прозрачное покрытие, которое нанес перед тем, как идти получать диплом. Односторонний биомиметический гель достаточно просто изготавливался в лаборатории химии академии и имел свойство распадаться на летучие молекулы под воздействием солнечного света. Несколько секунд после снятия – и пленка исчезла.

Арктур снова взял консоль и открыл личные папки Стигмана. Используя лингвистический алгоритм, состоявший из нескольких грамотно подобранных ключевых слов, он быстро обнаружил искомые файлы – а он не сомневался, что они есть.

– Боже мой, он даже не пытался их спрятать! – засмеялся Арктур.

– Чё там за ботва? – спросил Тоби Меркурио, уже вернувшись с дипломом и садясь на свое место.

– Увидишь, – улыбаясь, ответил Арктур. – Погоди немного.

Быстро и методично он выделил каждый обнаруженный алгоритмом файл, затем настроил консоль на сканирование окружающей территории на смартфоны и другие персональные консоли. На экране отобразились сотни названий, среди которых также были устройства отца Аркура и начальника полиции. Юноша выделил найденные файлы для операции пересылки на все обнаруженные в сети устройства.

Палец Аркура завис над иконкой «Отправить». Юноша помедлил какую-то долю секунды, наслаждаясь моментом.

– Трофеи достаются победителю, – прошептал он и запустил рассылку.

* * *

Ангус облокотился на перила балкона «Небесного шпиля», вглядываясь в огни ночного Стирлинга. В дневное время вид впечатлял, но ночью это было нечто воистину захватывающее. Океан света струился по улицам города, убегая к подножию гор. Раскинувшаяся паутина разнообразных цветов сияла, окрашивая облака в теплое золотое свечение.

Несмотря на поглощающие Корхал беспорядки, взрывы, тревогу и силовое воздействие конфедератов, пребывание ночью здесь, наверху, всегда умиротворяло Ангуса. При созерцании окрестностей города к сенатору возвращалась способность адекватно оценивать ситуацию, чего ему так часто не хватало, когда он с головой уходил в решение многочисленных вопросов, касающихся дела всей его жизни.

Иногда полезно абстрагироваться от того, что делаешь, и взглянуть на складывающуюся картину в целом. Да, сейчас тяжело, но с каждым ударом по тирании Конфедерации их позиции на Корхале постепенно укрепляются.

Ангус почесал старый шрам на предплечье. Он получил его, когда был с отцом на охоте в восточных угодьях Кереш. Отец сказал тогда, что нет зверя опаснее, чем зверь, загнанный в угол. Эктон Фелд называл Корхал жемчужиной в короне Конфедерации, и это было очень точное сравнение. Поэтому ни Совет, ни Старые Семьи не собирались отдавать планету без боя.

Ну что ж, пусть узнают, насколько сильно люди Корхала хотят, чтобы они исчезли из их жизни.

Ангус стал прокручивать в голове все несправедливости в отношении людей сектора Копрулу и почувствовал, как в нем закипает гнев.

На Тирадоре-IX, например, Конфедерация проводила незаконные финансовые операции, что стало причиной обвала всей планетарной экономики и привело к массовой безработице. Люди избежали голодной смерти только благодаря гигантским ссудам (под разорительные проценты) и экономической перестройке, которая фактически передала всю планетарную систему в руки Старых Семей.

Их излюбленной тактикой был демпинг в пограничных мирах, где влияние монополий Старых Семей не слишком сильное. Этим методом они уничтожали всех местных конкурентов, а потом устанавливали грабительские цены на товары первой необходимости.

Однако, несмотря на то, что грязные экономические хитрости были обычным *modus operandi*¹ для Конфедерации, Старые Семьи не стеснялись применять и силу для отстаивания своих интересов.

Команда геологоразведчиков Кел-Морийского синдиката, изучавшая Пояс Паладино (поле астероидов с высоким содержанием минеральных руд внутри больших камней), была уничтожена силами МПК во время операции по захвату их лидера. Человека, который, как считалось, был в розыске за убийство на Тарсонисе. Гибель группы списали на несчастный случай. А через несколько дней шахтерская команда Конфедерации уже разрабатывала астероидное поле, имея в комплекте целый гарнизон морпехов и поддержку линейного крейсера.

Сотни подобных историй стали визитной карточкой Конфедерации. Истории о жадности, взяточничестве, коррупции, блате, поведенные за бокалом вина и сопровождаемые пожиманием плечами и покачиванием головой. Несправедливость всего этого буквально кричала, чтобы кто-нибудь взялся за решение проблемы. Но размер этой проблемы в масштабах Конфедерации был таков, что никто ничего не мог сделать. Такое положение вещей люди стали считать нормой.

Ангус Менгск решил доказать, что это не так.

Он был не в восторге от того, что принес насилие на улицы и в дома Корхала, но знал, что это единственный способ заставить людей очнуться и увидеть то, что творится вокруг.

Все уже начинало меняться. Ангус выносил факты злоупотребления Конфедерацией властью на всеобщее обозрение, и люди, наконец, открывали глаза.

И им не нравилось то, что они видели.

Когда смотришь сказку о властолюбивых злодеях по UNN, все это кажется далеким и быстро забывается. Но когда беда приходит в родной дом, это сложно игнорировать.

Даже самый безучастный зритель готовится к бою, когда злоупотребление властью начинает угрожать жизни и будущему его семьи.

Ангус не мечтал о личной власти. У него не было желания сменить безликую и бездушную тиранию Совета собственным управлением. Нет. Когда Конфедерация падет, он приложит все усилия, чтобы создать демократическое правительство. Которое будет ратовать за благо всего человечества, и уж никак не будет служить воле одного человека.

¹ Образ действия (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.